

Светлана Верещакова

Лестница в небо

Светлана Верещакова

Лестница в небо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22876553

ISBN 9785448372438

Аннотация

Молодая женщина Аля знакомится на книжной ярмарке с известным талантливым поэтом и литератором Артёмом Любавиным. Позднее она становится его ученицей на литературных курсах. Влюбившись в своего учителя, девушка понимает, что её привычная, выстроенная с годами «семейная лодка» идёт ко дну. Неожиданно Але попадаетеся роман «Возвращение», в котором рассказывается о нелёгкой и неординарной судьбе Любавина. Але начинает казаться, что Любавин является не тем человеком, за которого все его принимают...

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	34
Глава 5	47
Глава 6	54
Глава 7	62
Глава 8	74
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Лестница в небо

Светлана Верещакова

*«...Спасибо Вам и сердцем и рукой
За то, что Вы меня – не зная сами! —
Так любите...»*

М. Цветаева.

© Светлана Верещакова, 2017

ISBN 978-5-4483-7243-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я погибла в тот день, когда встретила его. С того времени я перестала быть хорошей женой и заботливой матерью. Тогда я не знала ещё, что окажусь на приёме в городском психиатрическом диспансере, что в моих глазах, некогда искрящимися радостью материнства, надолго поселится душевное отчаяние, боль и не проходящая извечная тоска по этому человеку. Не знала, что мне будет дано испытать полноцветную радугу самых различных эмоций и краешком ступни попасть за грань реальности.

...Под серым, затянутым низкими дождливыми облаками, осенним небом я стояла перед закрытой дверью своего дома, смотрела на поблёкшую, местами потрескавшуюся краску на деревянных досках, и мысленно прощалась с местом, где жила моя душа. Именно здесь я разговаривала с Са-

шей, пыталась расслышать его неясный шёпот, узнавала ответы на все свои вопросы. Здесь, в этих потемневших от печали, старых стенах незримо присутствовал он – тот, которому не суждено было стать моим, но который стал моим вторым «Я», моей неразрывной душой, превратив две разных половинки в одно целое.

Странно, но, не смотря на его уход, где-то внутри меня сейчас существовало слабое, крохотное ощущение надежды, что ничего ещё не кончено, не кануло в небытие, ничего не завершено. Словно эта бесконечная лестница в небо, по которой мы, держась за руки, проходили ступеньку за ступенькой, на самом деле вела в Вечность. В мир, где никогда не умирает любовь.

Отведя прядь волос со лба, я поднялась по старому скрипучему крыльцу и дрожащей рукой вынула ключ из замочной скважины. Мне не было нужды теперь оставаться в нашем городе, потому что без этого человека не могло быть и речи о моей дальнейшей жизни здесь. Не было его, значит, не было и меня... Ключ утонул в кармане тоненького пальто, мои пальцы на мгновение ощутили холодность металла. Ключ... Сколько раз Саша давал мне его, с надеждой на наше общее будущее. Сколько раз я открывала и закрывала им двери...

Отвернувшись от старого и доброго дома, в котором оставались сейчас мои трепетные воспоминания, мечты и желания, я медленно зашагала прочь. Пронизывающий ветер за-

дувал за небольшой воротник, мне хотелось укрыться от этого холода и сырости, которые нависли над туманной улицей и проникали сейчас в моё тело слишком глубоко. Я не знала, что ждёт меня впереди, в другом месте, но мне непременно хотелось, чтобы там всегда присутствовали свет и покой, и чтобы там было бесконечно тепло...

Глава 1

Равномерный приглушённый гул людских голосов разносился по небольшим залам, залитых солнечным светом. Здесь, в просторном здании городского муниципалитета, проходила книжная ярмарка, которая привлекла многих любителей поэзии, литераторов и мастеров-поэтов. Необычайно приятно было бродить среди высоких стеллажей, беря в руки новенький гляцевый томик чьих-то стихов, и пробегать глазами пронизанные особой трогательностью печатные строчки. Под каждой красочной обложкой таилась чья-то жизнь, неведомые чужие чаяния и разочарования.

Я попала на эту ярмарку совершенно случайно. Увидела в городе объявление и решила заглянуть в её особый мир. Не сказать, чтобы я очень увлекалась поэзией – я любила стихи, и когда-то в юности даже писала их. Любила нескольких классиков, произведения которых были особенно близки моему сердцу. Когда-то я зачитывалась любовными строками Ахматовой и частенько перелистывала зелёный томик Есенина, который был в родительском доме. Несколько стихов я знала наизусть и даже переписала их в свой девичий дневник, чтобы перечитывать в определённые моменты. Но здесь, на книжной ярмарке, в воздухе витал особый дух поэзии, который заставлял восхищаться пленительными строками, берущими за душу.

На одном из стеллажей мой взгляд упал на непритязательный томик со стихотворениями неизвестного мне автора. Рука интуитивно потянулась к книге, на обложке которой виднелось за горными вершинами облачное белое небо. «Артём Любавин» – прочитала я и открыла книгу.

Это были стихи о любви. С первых же слов мой взгляд вцепился в невероятно талантливые строки всех поэтических переживаний. Никогда ещё раньше я не встречала подобных стихов. Они были наполнены непомерной трогательностью, невероятным благолепием перед женщиной, скупыми мужскими слезами разлук и надежд. Здесь, на ярмарке, я пролистала довольно много сборников, но редко кто из авторов оказался способен написать строки вот так, хотя среди прочитанных мной ранее стихотворений встречались весьма талантливые и душевные произведения. В этой книге было всё просто, лаконично, доступно и тоскливо так, что я не могла оторваться. Я читала взахлёб, глотала строчки и снова перечитывала их. Невероятная чистота мыслей и чувств. Перевернув обложку томика, я взгляделась в фотографию Любавина.

На мгновение в моих внутренних ощущениях промелькнуло некоторое удивление, которое сменилось мимолётной досадой. Мне казалось, что такие искренние, такие трогательные и красивые стихи должен писать только очень привлекательный мужчина. Но на меня смотрело на первый взгляд ничем не примечательное лицо. Несколько минут я

с интересом рассматривала фотографию, пытаюсь понять, что скрывалось за этим обликом. Ведь человек писал настоящие стихи! Отбросив мысли, я снова вернулась к чтению и тут же забыла об автопортрете на обложке. Продолжая постигать невероятную по своей силе любовную лирику, я дошла до раздела «Сумеречная Зона».

В нём находились совершенно другие стихи. Они рассказывали о тюрьме. Испытав вначале лёгкое удивление, я принялась глотать безумно больные строки бывшего арестанта. Здесь тоже присутствовала любовь, но больше было непомерного отчаяния об утраченной свободе. Даже эти творения завораживали и не отпускали от себя. Прочитав несколько, я снова вернулась к фотографии. Автор, безусловно, очень интересен. Я закрыла сборник и решительно направилась к продавцу. Через несколько минут книга Артёма Любавина лежала в моей сумочке.

Ярмарка продолжала жить своей жизнью, среди стеллажей скользили тени покупателей и простых прохожих, заглянувших в наполненный покоем и умиротворением поэтический уголок. За парой столиков сидели авторы, раздавали гостям автографы, мило улыбались и приветливо желали своим читателям всего наилучшего. Направившись к выходу из здания, я поспешила к крыльцу и чуть не упала. Тут же сзади моего локтя мгновенно коснулась чья-то рука, поддерживая меня и не давая рухнуть на пол. Прикосновение было тёплым и осторожным.

– Споткнулись на «Сумеречной Зоне»? – голос звучал тихо, вкрадчиво... и заинтересованно.

Я подняла взгляд и столкнулась с тёмными и пытливыми мужскими глазами. Лицо показалось мне знакомым, но раздумывать над этим было некогда.

– Видел, как Вы читали мои стихи, – добавил незнакомец. – Лирика второго раздела Вам не по душе?

Моментально сообразив, кто сейчас передо мной, я более пристально взгляделась в мужчину. Артёма Любавина нельзя было назвать красивым. Более того, на первый взгляд его внешность разочаровывала. Ничем не примечательное лицо, оттопыренные уши, длинный «грузинский» нос. Однако покрытые сединой виски и красивая форма губ придавали Любавину особый шарм. У него были статные плечи, красивые шея и подбородок, высокие скулы и невероятно притягательные тёмно-карие, почти чёрные, глаза, скрывающиеся за линзами тонкой оправы. Позднее я узнала, как могут эти глаза менять свой цвет, становиться темнее, добрее либо, наоборот, яростнее, откликаясь на каждую мысль и эмоцию своего владельца.

– Вовсе нет, – улыбнулась я. – В моём окружении есть люди, которые сидели в тюрьме, и я совершенно не отношусь к ним предвзято. И Ваша лирика меня здорово зацепила. У Вас бесподобные стихи!

– Спа-си-бо, – он растянул это слово по слогам. – А то я уже запереживал.

В его последней фразе прозвучала ирония. Глаза смотрели на меня с небольшой усмешкой и интересом. Любавин всё ещё продолжал придерживать меня за локоть, но, наконец, спохватившись, убрал свою руку.

– Тогда, до встречи, – тонкие губы его тронула улыбка, Артём повернулся и стал уходить в глубину зала. Я вышла на улицу и поспешила домой.

Мы переехали в этот город совсем недавно. Максиму предложили хорошо оплачиваемую работу, и нам ничего не оставалось делать, как согласиться на это заманчивое предложение. Городок был небольшой и довольно уютный. Единственное, что смущало, – маленькая однокомнатная квартира, в которой нам теперь предстояло жить вместе с Сонечкой. Как могли, мы с Максом потихоньку обустроивали её. Поначалу я очень скучала по старому месту, да и до мамы теперь предстояло добираться далеко. Вскоре я тоже устроилась на удалённую работу в интернете, заказов было много, работодатель основательно нагружала меня, но я всегда находилась дома. Не надо было спешить на производство, я сама была себе хозяйкой и зарабатывала пусть небольшой, но всё-таки доход. Сонечке исполнилось полтора года, Макс трудился, мне тоже не приходилось скучать за компьютером.

На улицах города всю хозяйничала осень. Желтые листья приятно шуршали под ногами во время ходьбы – дворники не успевали их убирать, поскольку тёплый октябрьский

ветерок снова и снова бросал их на асфальт, будто забавляясь над людьми. Я торопилась в нашу однушку, и уже вошла во двор, как вдруг услышала рядом с собой прерывистое дыхание. Тут же влажный холодный нос коснулся моих пальцев.

– Иллада, ко мне! – послышался строгий окрик.

Оглянувшись, я залюбовалась белоснежной среднеазиатской овчаркой, которая рассматривала меня вполне доброжелательно.

– Привет, – поздоровалась я с собакой.

Иллада вскинула голову, её розовый язык забавно качнулся, она раскрыла свою улыбающуюся пасть и громко залаяла в ответ. По-видимому, псина приветствовала меня. Её хозяйка, молодая симпатичная и бойкая девушка, подскочила к нам и взяла собаку за ошейник.

– Вы не пугайтесь, Иллада Вас не тронет, – её нежный голосок журчал, словно ручеёк.

– Я не пугаюсь, – улыбнулась я и заметила, – Красивая собака.

– Ой, она уже у меня старенькая, – приветливо тараторила девушка. – Девять лет. А ведёт себя словно щенок. Вот, к прохожим пристаёт. Наверное, Вы ей понравились. Да, Иллада?

Собака подняла голову и теперь улыбалась хозяйке. Её шумное дыхание выдавало общительный и весёлый нрав. На минуту у меня промелькнуло сожаление, что теперь я

не держу собак, хотя они всегда присутствовали в моей жизни с самого детства. У нас был свой круг собачников, и это увлечение подарило тогда немало приятных минут общения.

– Меня Агнесса зовут, – послышался голос девушки. – Я вон в том подъезде живу, но что-то раньше Вас не видела.

– Нет, мы часто гуляем с дочкой в соседнем парке, – откликнулась я. – Только я тоже не встречала тебя с Илладой. Я Аля.

– Как? – улыбаясь и удивляясь моему имени, переспросила Агнесса.

Обычно все новые знакомые удивлялись моему имени. На самом деле имя-то было совсем обычным. В паспорте у меня значилось Алина, но имя своё я терпеть не могла, поэтому ещё с юности мои подруги и окружающие домашние прозвали меня Алькой. Не знаю, что взбрело родителям в голову, раз они назвали меня так, но сокращённое Аля мне очень даже нравилось. Максиму оно тоже было по душе. Когда мы с ним познакомились, муж тоже стал звать меня Алей.

– Да, необычное имя, – усмехнулась я и добавила, указав рукой на дверь подъезда. – Я вот здесь живу, сорок пятая квартира. Заходите в гости с Илладой, когда будет время. Я практически всегда дома. Мы недавно переехали.

– Обязательно зайдём, – радостно ответила девушка, защёлкнув карабин поводка.

Дома меня встретила радостная Сонечка, которая выбе-

жала навстречу из комнаты. Макс, как всегда, сидел на кухне, которую он называл своим рабочим кабинетом. Поскольку квартира была однокомнатной, то письменный стол, на котором располагался мой компьютер, занимала я. Максиму приходилось работать за своим ноутбуком на кухонном столе, периодически отрываясь от клавиатуры, чтобы приготовить кофе.

Сонечка была нашим поздним ребёнком. Я родила её в тридцать пять лет, перед этим не раз услышав от врачей диагноз «бесплодие». Макс на тот момент исполнился сорок один год.

Рожали мы с мужем вместе. И вовсе не потому, что это теперь модно и современно или соответствует новым тенденциям гинекологии. Меня ждало кесарево сечение, а неделю до операции мы с мужем пролежали в отделении патологии в роддоме в очень дорогой, но комфортной частной палате. Всю беременность я находилась дома в кровати, Макс приходилось ухаживать за мной, стирать и готовить еду.

Помню, как перед назначенным днём родов меня отправили на УЗИ, на пути к которому я умудрилась упасть три раза. В тот день я еле вернулась в палату, поддерживаемая Максом и измученная бесконечным походом во врачебный кабинет. Заведующая отделением, которая вела палату, зашла после весьма испуганная и твёрдо сообщила нам, что больше никаких обследований не будет, а своими падениями я напугала всё отделение. Безусловно, среди этих печально-ко-

мических воспоминаний было и много приятных, связанных с ожиданием ребёнка и трогательно-сострадательным отношением ко мне Макса.

В день рождения Сонечки мужа поместили в соседнюю с операционной комнату, а когда родилась наша дочка, малышку положили ему на грудь. С тех пор Макс не расставался с Соней ни на минуту. С самого своего появления на свет она обожала Максима, словно это не я, а он был её мамой, ела с ним из одной тарелки и спала в обнимку. Меня она безумно ревновала к Максиму, а я, как ни странно, почти ревновала своего мужа к нашей дочери, понимая, что это нелепо, глупо и смешно. Любая бы жена на моём месте только позавидовала «гиперотцовству» супруга, посвятившему всего себя долгожданному ребёнку. Я принимала этот факт как данность и даже не представляла, что где-то в других семьях мужья могут вести себя иначе.

Годовалая малышка неуклюже уткнулась мне в ноги и обхватила колени своими тоненькими ладошками. Я сняла туфли, подхватила дочурку на руки и прошла в комнату. Соня только недавно научилась делать первые шаги, была ещё довольно неустойчивой в своих попытках преодолевать комнату и больше предпочитала пребывание на руках.

Вся наша жизнь с Максимом с момента появления ребёнка в семье, была сосредоточена вокруг Сони. Мы вместе купали её, переодевал и кормил её только Макс. Соня разрешала провести эти процедуры мне лишь изредка. Но вот колы-

бельные он петь не умел, поэтому в свободное от работы время я неизменно укачивала её на руках перед сном, напевая песню Медведицы из мультфильма про Умку.

Только ближе к ночи, когда уже прошёл ужин, а дочка сладко спала в своей кроватке, я смогла уютно устроиться на диване и раскрыть сборник стихотворений Артёма Любавина.

Его мир снова всецело захватил меня. Многогранность сюжетов и образов не давала точно определить ситуацию самого автора, но чувства, которые Артём выражал в строках, ощущались слишком явственно. Так писать дано было не каждому. В сборнике встречались и совсем простые, на первый взгляд доступные для понимания любого человека, стихотворения. Но Артёма Любавина нельзя было узнать за один раз, как и нельзя, было постигнуть его стихотворные мысли за однократное прочтение.

Вот, и в жизни, как и в его стихах, всё оказалось намного сложнее...

Глава 2

– Давай оденем одну ручку. Так... Теперь вторую... – я одевала Сонечку на прогулку и, ласково приговаривая, пыталась вытянуть крохотную ладошку из вязаного рукава. На улице стояла великолепная октябрьская погода. Осеннее солнце пробивалось сквозь занавеси гардин в комнату и бросало последний тёплый свет на дощатый пол. В коридоре нас уже ждала коляска. Благо, спускаться в подъезде было легко – всего лишь второй этаж. Я могла справиться без помощи Максима, чтобы самостоятельно вынести коляску на улицу.

Через несколько минут мы с дочкой уже направлялись в парк, который всегда встречал нас необыкновенной тишиной и умиротворением. На его тенистых летом аллеях было постоянно немногочленно – небольшой сквер не имел популярности у подростков и любителей алкоголя. Здесь лишь иногда прогуливались проживающие в близлежащих домах молодые мамочки с малышами, да изредка на какой-нибудь лавочке располагались отдыхающие пенсионеры. Я любила этот сквер за его тишину и покой, хотя в нём не существовало детской площадки, где могла бы играть Соня. Но в нашем дворе было достаточно качелей и песочниц, поэтому мы частенько выбирались с дочкой в парк.

– Привет! – радостное восклицание за моей спиной заставило обернуться. Жизнерадостная Агнесса, с которой я

познакомилась только вчера, искренно и весело улыбалась мне. В этой девушке чувствовалась неуёмная жажда жизни, целеустремлённость и бодрость. Её активность, казалось, заражала всё вокруг. Как выяснилось позднее при более близком знакомстве, Агнесска действительно обладала стойким характером, принимала участие в общественной деятельности города и была яркой защитницей бездомных и брошенных животных.

Встрече с ней я тоже обрадовалась. В городке я практически никого ещё не знала и выходила из дома только в этот парк и в продуктовый магазин. Новое знакомство было мне приятно и сулило в лице Агнессы интересного собеседника, готового с радостью скрасить моё времяпровождение. Переговариваясь, мы направились вдоль аллеи к концу сквера.

Неподалёку от нас, в пожухлой рыжей траве, бежала Иллада. Её шумное дыхание доносилось до меня в перерывах разговора, и я изредка бросала свой взгляд на прекрасную белоснежную овчарку, невольно любуясь собакой.

Как выяснилось, Агнесса жила в том же доме, что и мы с Максом. Её одиночество скрашивала только собака, в свои тридцать с лишним Агнесска до сих пор не вышла замуж, имела достаточно требовательные запросы ко всем потенциальным женихам, но при этом, безусловно, мечтала найти собственное счастье и свою любовь.

Мы болтали ни о чём и обо всём сразу. Сонечка семенила рядом с коляской, держась своей ручонкой за мой палец,

как вдруг резкий вой Иллады заставил нас обеих вздрогнуть. Агнесска тут же рванулась к своей питомице. Собака скулила, подняв одну лапу, и с мольбой смотрела на подросшую хозяйку.

— Ну, надо же, а! Лапу порезала! Чёрт бы побрал, эти бутылки! — Агнесскино отчаяние было безмерным. Я подошла к собаке, и мы вместе осмотрели лапу. Рана была довольно глубокой.

Поскольку мы успели уже пройти довольно приличное расстояние, то становилось понятно, что с таким глубоким разрезом собака назад до дома вряд ли сумеет добраться. Пришлось посадить Сонечку в коляску и отправиться обратно. Мы попеременно с Агнесской то толкали коляску с ребёнком, то тащили на руках собаку. Что и говорить, — к тому времени, когда наконец-то показался наш дом, обе мы значительно выбились из сил.

— Давай ко мне, — заметила я, когда, запыхавшиеся и уставшие, мы добрались до моего подъезда. — А то псина уже устала.

Сами мы тоже выглядели не лучше. Азиатка весила под семьдесят килограммов, коляска чуть меньше, плюс ещё добавлялись Сонечкины восемь кило. С трудом добравшись с собакой на второй этаж, мы наконец-то оказались в квартире и принялись оказывать первую помощь пострадавшему животному. Только через полчаса, когда рана была промыта и обработана, нам удалось наконец-то устроиться на кух-

не и выпить чая. Измученная Иллада мирно лежала на полу в коридоре, Соню я быстро передела, и ребёнок занялся игрушками.

– Уютно у тебя, – заметила Агнесска, осматривая кухню. Она встала и прошла в комнату. Я не спеша двинулась за ней. Агнесска рассматривала стоявшие на комодe фото, заинтересованно просматривала названия на корешках книг и мило щебетала о моем и своём быте.

– Любааавин?! – вдруг заинтересованно и удивлённо произнесла она, наткнувшись взглядом на сборник, который я оставила на диване. Взяв томик, она села, раскрыла его и стала пролистывать страницы.

– Где взяла?

– Да так. На книжной ярмарке.

– И как? Понравился? – её бесстрастное лицо ничего не выражало.

– Второй день не могу оторваться, – ответила я.

– А я тоже пишу стихи, – неожиданно с нотками гордости заявила Агнесса. – И даже хожу в литературный клуб. Там интересно.

– Да ладно? – улыбнулась я.

– Да, своя стихия поэтов и литераторов. Хочешь, пойдём вместе? А то сидишь тут одна.

– Давай, – откликнулась я.

– Тогда послезавтра возьму тебя с собой. Тебе будет с кем оставить Сонечку?

Мы обсудили детали нашего будущего похода в клуб, сойдясь на том, что к вечеру в назначенный день Агнесса зайдёт за мной. Затем я помогла спустить раненую Илладу во двор и попрощалась со своей новой подругой.

Мир литературного клуба, куда я на следующий день отправилась вместе с Агнессой, и правда оказался необычен. Находился клуб в двух остановках от нашего дома, в подвальном помещении обычной пятиэтажки. К его стеклянным дверям вели потёртые каменные ступеньки, а обе стороны лестницы украшали винтажные кованые перила. Внутри было довольно уютно и прилично. Клуб больше напоминал литературный салон, в котором царила весьма приятная атмосфера. Несколько комнат, небольшой, стилизованный на французский манер, бар и кабинеты администрации занимали всё подвальное помещение. Людей в клубе было не много, посетители сидели за уютными столиками, а около барной стойки парочка творцов вела между собой оживлённую беседу.

Агнесса кивнула своим знакомым и потащила меня за свободный столик.

– Сейчас народ подтянется, – заявила она, с комфортом располагаясь на стуле и вешая на его спинку сумочку.

Я тоже присела рядом и осмотрелась. В баре царил приятный полумрак, лишь несколько кованых светильников-фонарей освещали зал. Из динамиков лилась приглушённая

приятная мелодия, которая совершенно не мешала разговору. Размеренный гул голосов мягкими нотами разносился над уютными аккуратными столиками.

Спустя полчаса помещение действительно заполнилось людьми. Некоторые приветствовали Агнессу и заинтересованно посматривали в мою сторону. Новички были в клубе не редкостью, но каждое неизвестное лицо по-особенному воспринималось литературными мэтрами. Ведь что-то же приводило в их зал новых людей, желающих соприкоснуться с современной поэзией. Некоторые из них становились завсегдатаями клуба, другие же, наоборот, быстро покидали сей необычный мир.

За наш столик подсели Агнесскины знакомые – весёлые и общительные парни, которые завели беседу на тему чьих-то последних литературных достижений и творений. Народ обсуждал прошедшую книжную ярмарку, строил планы на проведение новых мероприятий и поэтических выступлений.

Я потихоньку смаковала вкусный, приготовленный в баре кофе, прислушивалась к раздающимся вокруг меня обсуждениям и местным новостям и украдкой изучала посетителей.

Артём появился в клубе ближе к позднему вечеру. Не заметить его сразу было нельзя. Не то чтобы он вёл себя шумно либо бравировал весельем. Как раз, наоборот, Любавина отличало необычайное спокойствие, тихий голос и галант-

ное отношение к окружающим. Однако за кажущим спокойствием чувствовалась и иногда проскальзывала некоторая беспечность. Подойдя к нашему столику, он поздоровался со всеми, на мгновение его взгляд задержался на мне, но тут же устремился в сторону одного из присутствующих за столиком. Между Артёмом и его знакомым завязалась оживлённая беседа, разговор коснулся опять же последних новостей клуба и уже через несколько минут эти двое всецело увлеклись беседой.

До меня долетали обрывки фраз о каком-то новом стихотворении, тема вертелась вокруг особенностей белой гвардии и красного террора, то и дело упоминались имя Колчака и подробности его конца. Прислушиваясь к разговору, я невольно наблюдала за меняющейся мимикой Артёма, сдержанной жестикуляцией его тонких пальцев и живым выражением карих глаз. Что-то было во всём его облике притягательно-манящее. Спустя мгновение я поймала себя на мысли, что Артём не лишён обаяния, обладает несомненной харизмой, остроумием, и за этими чертами его несуразная внешность сразу же теряется и отступает на второй план.

Закончив дискуссию о белогвардейцах, Артём попрощался с нашей компанией и, снова бросив на меня взгляд, направился к выходу. Я не сомневалась, что у Любавина были и другие, более важные дела в клубе. Пребывание Артёма здесь вовсе не заканчивалось только что произошедшей беседой.

В скором времени отправились домой и мы с Агнесской. Настроение у обеих было чересчур веселым, по дороге мы обсуждали всё увиденное и услышанное. Моя новая подруга с увлечением рассказывала о нравах своих знакомых по литературному клубу, а я с большим интересом её слушала.

– Или вот взять Любавина, – тараторила Агнесска. Упоминание фамилии человека, который начинал меня уже интересовать, застало врасплох и заставило быть более внимательной к последующим словам Агнессы. – Столичная штучка. Говорят, что он не лишён таланта. Многие буквально восхищаются его строками, и не только женщины. Поклонниц у него, безусловно, море. Но я в упор не понимаю, что в нём можно найти. Стихи, на мой счёт, просты, рифмы не уникальны. Не вижу ничего необычного ни в нём, ни в его стихотворениях.

– Любавин из Москвы? – удивилась я.

– Да, живёт там. У нас бывает наездами и не очень часто. Всё больше по делам литературного клуба.

– А мне его поэзия очень даже нравится. Он талантлив.

– О, и ты туда же! – воскликнула Агнесса и невольно рассмеялась. – Уверяю тебя, абсолютная посредственность! Школьник в поэзии! И представляешь, он ещё начал вести у нас курсы. Вот такие же, как ты сидят на его лекциях и, внемля этому поэтическому гуру, смотрят на него с обожанием и придыханием.

– Какие курсы?

– А, так у нас типа школы теперь есть, – отмахнулась Агнесска. – Для всех желающих, кто хочет научиться писать стихи. Но там не только стихосложению обучают, творческие вечера ещё проводят, обсуждают твои новые творения, традиционную классику и новый модерн в литературе.

– И что, Любавин там преподаёт?

– Ага. Тоже мне светило литературного пространства. Какие мысли он вкладывает в головы своих слушателей?..

Агнесскино предубеждение к Артёму начинало меня забавлять. Успев уже довольно тщательно ознакомиться с творчеством Любавина, я была с ней категорически не согласна. Но спорить с подругой я не стала, а решила, что та читала у Артёма не всё, и не так внимательно, как я.

На этом разговор об Артёме закончился. Агнесска переключилась на обсуждение последних клубных новостей и принялась увлечённо рассказывать о царивших в округе интригах и нравах. Я слушала её с интересом, время от времени ловя себя на мысли, что мне хочется ещё раз прийти в этот необычный литературный салон. Мы не спеша подошли к нашему дому, на прощание я поинтересовалась состоянием лапы Иллады и поспешила к Макс и Сонечке.

Дома меня встретила полнейшая тишина. Муж уснул вместе с дочуркой на диване, так и не дождавшись моего возвращения. Я тихонько скинула пальто в прихожей и аккуратно проскользнула на кухню. Безумно хотелось выпить чашку чая и осмыслить все произошедшие за сегодняшний вечер

события.

А они были, безусловно, приятные. Впечатления от неформальной атмосферы литераторов и поэтов снова и снова возвращали мои мысли назад в клуб, к Агнессе, к её знакомым и к Любавину. Дожидаясь пока в чашке остынет чай, я тихо прошла в комнату, отыскала книгу его стихов и вновь устроилась на кухне.

Артём был мне интересен не только как автор. Я вчитывалась в его строчки и постепенно начинала осознавать, насколько глубоко он мыслит. Его неординарное мышление и собственные взгляды выдавали человека неоднозначного и достаточно сложного. А внутренняя боль «Сумеречной Зоны» заставила испытать присущее каждому человеческое сострадание. Нет, Агнесса не права. Любавин – несомненный талант. Даже печальный арестантский опыт, поведанный в стихотворениях, выдаёт человека не только со сложной судьбой, но и со многими знаниями.

Стрелки на часах показывали уже полночь, я закрыла книгу и твёрдо решила, что непременно наведаюсь в литературный клуб ещё раз.

Глава 3

Осень в этом году выдалась необычайно тёплой. Собираясь в выходной к маме, я перебирала свой гардероб. Мама жила достаточно далеко от нас, в тридцати километрах от городка. Мы предпочитали добираться до неё на электричке, – благо, расписание пригородных поездов было удобным. Ранним утром с вокзала отходили полупустые вагоны, народу в них присутствовало всегда немного. Вечером можно было уже вернуться домой.

– Коляску берём с собой? – заглянул в комнату Макс.

Я на мгновение отвлеклась от своего занятия и взглянула на мужа. Что ни говори, а с Максом мне повезло. Смотря порой на неудачные замужества некоторых своих знакомых, я прекрасно понимала, что в лице Максима обрела надёжное, крепкое плечо и широкую спину. За все шестнадцать лет нашей совместной жизни я ни разу не видела Максима в смятении либо в депрессии, ни разу не слышала от него жалоб на жизнь. Даже, если всё вокруг рушилось и ломалось, Макс был твёрдо уверен, что завтра станет лучше. Не завтра, так послезавтра. Невероятная сила воли, ответственность за свою семью, бесконечный оптимизм и стойкость характера отличали Максима от других представителей сильного пола. Сколько раз моя мама, будучи очень проницательной и умной женщиной, не раз характеризовала Макси-

ма известными словами: «Дом сгорел, кобыла околела, поместье разорено, а у него – всё хорошо, прекрасная маркиза!» И только, пожалуй, этот оптимизм да невероятная сила духа и позволили нам с Максом выжить и выстоять вместе во многих неприятных жизненных коллизиях.

В отличие от мужа, я была беспросветным нытиком, постоянно пребывающим в собственных фантазиях. И, словно в противовес, реализм Макса дополнял наш семейный тандем. Конечно, Максим не всегда был таким. В молодости его характеризовали беспечность и неумение считать деньги. Однако Макс всегда думал только о семье и о работе. С возрастом муж стал мудрее, превратился в домоседа. Теперь Макс предпочитал проводить праздники в родных стенах и не очень любил походы по чужим домам. Да и ходить в гости нам теперь было особо не к кому. Не смотря на то, что у него за плечами остался первый неудачный брак, женитьба на мне позволила Максиму обрести собственное комфортное место в жизни в качестве ответственного и заботливого главы семейства.

– Не надо коляску, – отозвалась я на вопрос и повернулась к сваленной на диване куче вещей.

На электричку мы еле успели, едва не вбежав, в последний вагон.

Состав тронулся, а за окном медленно поплыли деревья. Я отвернулась к окну и принялась любоваться загородным пейзажем. Дорогу к маме я очень любила только из-за той

красоты, которую она дарила за толстым вагонным стеклом. Раскрашенная в яркие красно-жёлтые тона осенняя листва отливала багрянцем и охрой. Пробивающийся сквозь голые ветви солнечный свет придавал ей особенную воздушность и лёгкость. Октябрь уже заканчивался, и, казалось, совершенно не желал расставаться с теплом. Впереди ещё предстояли ноябрьские заморозки и первый снег, но сейчас, в последние дни октября, ласковое солнце всюду пыталось обогреть и окружающие деревья, и опавшую беззащитную листву, и нашу электричку, и даже мой прильнувший к вагонному стеклу нос.

У мамы было необычайно хорошо и умиротворённо. В глубине дома слышался размеренный ход настенных часов, на плите посапывал закипающий чайник. В соседней комнате Сонечка барабанила погремушкой по перевернутому ведёрку.

– Ну, рассказывайте, какие новости? – как обычно произнесла мама, с трудом устраиваясь в большом мягком кресле в гостиной.

Незадолго до рождения Сони мама перенесла сильный инсульт и паралич. К жизни её вернули только большая сила характера, извечный оптимизм и, безусловно, ожидание появления внучки. Теперь мама могла ходить, аккуратно переставляя палочку, и даже не раз прогуливалась по двору, держась за ручку Сониной коляски.

– Всё хорошо, – отозвалась я и принялась увлечённо рассказывать ей о своём новом знакомстве с Агнесской, происшествии с Илладой и походе в литературное кафе.

Максим не прислушивался к нашему разговору. Его не интересовали мои новые пристрастия, хотя вчера я сообщила ему, что собираюсь в клуб вновь.

Мы пообедали на маленькой кухоньке, где успели уже наговориться сполна. Накормив Соню, я уложила её спать на маминой кровати. Закрытые шторы создавали в спальне приятный расслабляющий полумрак. Не смотря на отсутствие ремонта в мамином доме, я любила бывать здесь. Нет, я не выросла здесь. Детские годы остались в южном военном городке, который навсегда заключил мою память в самые приятные и светлые воспоминания. С Максом мы познакомились именно там. Сколько времени утекло с тех пор. Я закрыла глаза, и передо мной сразу же возник наш застеклённый балкон на третьем этаже, весь увитый зелёным виноградом. На нём очень хорошо было встречать закаты солнца, когда в унисон заходящим лучам со двора из чьих-то динамиков доносился тоненький голосок Шатунова или надрывный блюз Джорджа Майкла.

Часы в маминой квартире летели незаметно. Пора было уже собираться домой. Вовсе не хотелось снова спешить, как на пожар, на последнюю электричку.

– Маши бабушке «пока-пока», – приговаривала я, держа одетую Соню на руках. Мама расцеловала всех нас у входной

двери, и мы, торопясь поспеть на вокзал, вышли из подъезда. Во дворе я оглянулась на родное окно. Уже несколько лет в нашем прощании неизменно существовал ритуал – как только мы оказывались на улице, я оборачивалась взглянуть на родительские окна. Как всегда, мама стояла у окна, провожала нас взглядом и крестила на обратную дорогу.

...Новое платье сидело на мне просто отлично. Через несколько минут должна была зайти Агнесска, чтобы отправиться в клуб. Я в последний раз осмотрела себя в зеркале. Минимум косметики, которая лишь акцентировала внимание на глазах и губах, светлые распущенные волосы ниже плеч, чёрное приталенное платье чуть выше колена. Я осталась довольна собой.

Звонок в дверь заставил меня отойти от зеркала и впустить в коридор гостью. Агнесса тоже выглядела на пять с плюсом. Модная в нынешнем сезоне клетка чётко расположилась на её платье, сверху плечи украшала белая пушистая перелинка.

– Вся белая и пушистая, – оценила я наряд.

– Клетчатая, – уточнила Агнесска. – Ты тоже ничего. Отлично выглядишь!

Я прекрасно осознавала, что я – «тоже ничего». Платье было куплено летом совсем в другом городе, на последние деньги, оставшиеся от скромной зарплаты. Правда, повода его надеть до сих пор не было. Вскоре последовал наш с Мак-

сом переезд, а на новом месте мы ещё никуда не успели выбраться, да и Соня не давала такой возможности.

Клуб встретил нас своей удивительной атмосферой, наполненной местными литературными новостями и приятным общением с мэтрами поэзии. Я уже стала привыкать к присутствию в этих стенах яростных диспутов, заинтересованных взглядов, рекомендаций во время происходящих бесед. За одним столиком увлечённо критиковали произведение нового участника литературного кафе, за другим обсуждали недавно опубликованную книгу. А кто-то просто приятно общался. На личные темы.

– Вот, правильное обращение к современной молодёжи! – доносился до меня разговор двух поэтов. Впрочем, весьма банальный.

– Будьте милосердны – старшее поколение начинаешь понимать только с возрастом. Молодые люди полны желаний и устремлений, их максимализм готов кричать на каждом углу, что они могут свернуть горы.

– Ай, положительные эмоции сегодня можно отыскать лишь в частушках, – с досадой отмахнулся от своего собеседника его визави.

– О чём они говорят? – тихонько шепнула я Агнеске, наклонившись к ней.

– О том, дорогая, что чувства сегодня в любом произведении на вес золота.

Мне хотелось узнать, что именно столь увлечённо обсуж-

дали соседи, но тут к барной стойке поставили стул, и к нему подошёл приятный молодой человек. Вполголоса он стал читать свои стихи, небрежно опираясь на спинку стула. Разговоры в баре смолкли, и вся аудитория стала внимательно слушать декламацию поэта. Перед выступлением автора, конечно же, представили публике, только я не успела запомнить ни его имени, ни фамилии.

То и дело, бросая взгляд на массивную дверь входа в кафе, я поймала себя на мысли, что жду Любавина. Долгое ожидание начинало тяготить, – мне казалось, что вот сейчас, в данную минуту, дверь непременно откроется, и в проёме покажется хорошо знакомый силуэт. Во-первых, я хотела спросить у Артёма насчёт курсов, на которых он преподавал. Во-вторых, я безумно жаждала его увидеть.

Все последние дни этих мимолётных двух встреч и вечеров на диване с его стихами я не раз замечала, что думаю об Артёме не только за сборником. И сейчас, в полумраке кафе, взгляд отчаянно искал знакомые черты, а сердце сжималось при мысли, что Артём сегодня не придёт. Ожидания мои не оправдались – к тому времени, как мы собрались уходить, Любавин так и не появился...

Глава 4

На курсы я пришла сама, без предварительных бесед с кем-либо. Однажды утром я проснулась и поняла, что клуб манит меня и уже успел захватить своей жизнью. По счастливому стечению обстоятельств Макс в этот день не пошёл на работу, и я, с лёгким сердцем оставив на мужа Сонечку, отправилась в ставший мне дорогим литературный салон. «Заодно узнаю, что там с курсами», – думала я по пути.

Нельзя сказать, чтобы я так уж желала научиться писать стихи. Скорее, искала встречи с Любавиным. После того, как Артём не появился в тот вечер, я часто вспоминала наше знакомство на ярмарке. Мне хотелось видеть этого человека, слышать его тихий голос и слушать.

Днём в баре литературного салона столики были пусты и одиноки. В клубе вообще практически никого не было. Я прошла по длинному тёмному коридору к кабинету администрации и тихонько приоткрыла дверь. Седовласая дама, сидевшая за громоздким письменным столом, подняла на меня вопросительный взгляд.

– Здравствуйте. Могу я узнать по поводу литературных курсов?

Дама приветливо заулыбалась и принялась подробно объяснять все детали их общества и созданных для таких дилетантов, как я, курсов. Рассказывала она довольно интересно.

Школа предназначалась, прежде всего, для своих новичков, а поскольку я уже благодаря Агнеске успела приобщиться к миру поэзии города, то, мол, милости просим, всегда рады новым дарованиям.

Беседа с дамой воодушевила на дальнейшее желание постигать литературные азы. По словам выходило, что примут меня в их братии с распростёртыми объятиями, никогда ничем не обидят и всегда поддержат в трудный творческий период. Уточнив начало занятий, я с лёгким сердцем попрощалась с вдохновлённой матроной. Культурная жизнь города только что приобрела в моём лице начинающего поэта.

К началу лекций я успела без опозданий. Курсы проводились в достаточно просторном помещении клуба, расположенного в другом конце здания. На всякий случай пришлось прихватить с собой тетрадь и ручку. Аудитория группы оказалась довольно немногочисленной – особенно понравились молоденькая веснушчатая девушка с косичками и в очках и парень достаточно привлекательной наружности, который постоянно шутил и вообще был занимательным весельчаком. Как выяснилось позднее, девчушку звали Аришей, а юношу Петром. Петя являлся душой нашего класса и постоянно фонтанировал новыми идеями и шутками. Присутствовала здесь и пара таких же «тёток за тридцать», таких, как я...

...Артём вошёл в помещение лёгкой пружинистой походкой, чуть кивнул, улыбнулся присутствующим и сразу на-

чал говорить: размеренно и тихо, заставляя прислушиваться к себе, и быть внимательным к сказанным словам. Безусловно, он заметил меня, но не подал вида. Тема беседы вращалась вокруг традиционной классики. Некоторые слушатели иногда прерывали Любавина и вступали с ним в дискуссию. В классе все обращались друг к другу по имени, безо всяких отчеств. Поэтому здесь царила дружелюбная, открытая атмосфера. Любавин с охотой отвечал на задаваемые вопросы, был предельно внимателен к каждому собеседнику, изредка иронизируя по поводу сказанного им же самим, дескать, – я не гуру, такой же, как и вы, дорогие мои!

Сидя за своим столом, я любовалась его мимикой, жестами и прислушивалась к тихому голосу. Мне нравилось абсолютно всё, что он говорил. Его высказывания и взгляды на те, или иные вопросы поэзии были достаточно интересны.

– Любое творчество – лишь существование в параллельном мире. Оно во многом отлично от мира реального, но имеет такое неоспоримое и ценное качество – желание общения на духовном уровне, то есть, желание стать душевно чище. При этом, согласитесь, что поэзия сама по себе балаган? Однако искренние чувства и искренние слёзы и на ярмарке уместны. – Любавин на мгновение замолчал и добавил. – Каждый автор сам для себя определяет, что для него важнее. Нередко стих переполнен эмоциями в ущерб именно поэтической составляющей.

– «Присылай мне туманные письма из своих золотых го-

родов и открытки, тобой не подписанные. Можно без адреса. Можно без слов» – процитировал Петя.

– Да, что-то типа этого... – улыбнулся Артём и продолжил. – Как говаривал Говард Лавкрафт, – весь мир является всего лишь порождением нашего воображения. Мир – дым человеческого интеллекта. Только мудрецы способны затянуться и выпустить клубы этого самого дыма. Простым смертным это не дано. Поэт способен создать всё, что пожелает, и уничтожить всё, что, на его взгляд, ненужно. По словам того же Лавкрафта, это достаточно верно для разыгрываемого представления. И я, пожалуй, соглашусь с ним – воображение способно возродить именно те картины прошлого, которые особенно дороги сердцу.

– Или будущего, – откликнулась я, и сама удивилась собственной смелости. До этого момента я помалкивала.

Артём перевёл на меня взгляд, его карие глаза пронизательно смотрели сквозь тонкую оправу несколько долгих мгновений.

– Каждый поэт в своём роде пророк и прорицатель, – заметил он.

– А фантазии ещё никто не отменял, – откликнулся сидевший за соседним столом Петя. – Где бы мы все были без них, и существовало бы искусство как таковое вообще без фантазий и вымысла?

– Вымысел лишь отчасти является таковым, – заметил Любавин. – Автор зачастую так преподносит реальные фак-

ты, что только он один знает, что именно он имел в виду в своих строках. Завуалировать смысл выражения ничего не стоит тому, кто понимает, как правильно распознавать доли, и что именно скрывается за образом. Поэт – тот же режиссёр. Собственного спектакля. Впрочем, не только поэт... Порою и любой человек. Но это отдельная тема, заслуживающая отдельного разговора. Мы непременно к ней вернёмся, а вы, дорогие мои, пока вспомните Андрея Битова. Я вам процитирую: «Человечество живет так: обманывая себя. Некоторые обманывают только себя – это честные люди, некоторые и других или других, а потом себя – это люди нечестные... Мудрец не обманывает ни себя, ни других, он знает, он ничего не может сделать... Художник, бедняга... он живет как человек: обманывая себя, при этом он рождает и тогда обманывает и других...» Читателю порой трудно разобраться, где именно образы, а где реальность, где есть правда, а где вымысел. И чем одно, отличается от другого... Внимательный читатель может по своему желанию отыскать в произведении не один смысл, а намного больше. Всё зависит от его воображения. Задача автора натолкнуть читателя на размышления...

– Пойди ещё найди такого читателя с абстрактным мышлением, – откликнулся Петя.

Две тётки, сидевшие за столом недалеко от меня, понимающе заулыбались. По-видимому, они точно считали себя непревзойдёнными поэтами и правильными читателями.

– Оторваться от суровой реальности не просто... Но при отсутствии мира абстрактного, жизнь скучна... – закончил дискуссию Любавин и улыбнулся.

– Не искажает ли неверное толкование само произведение? – снова спросила я.

Артём буквально вцепился в меня взглядом и тихо ответил:

– Вероятно, суть поэзии и заключается в том, чтобы в произведении каждый читатель увидел себя. Или, по крайней мере, что-то своё.

Вечером я вспоминала прошедшую лекцию и удивлялась тому интересу, который она у меня вызвала. Безусловно, поэтический мир был интересен и необычен, он заставлял уйти от реальности, но в то же время и погружал в неё. Только уже в изменившуюся реальность...

На следующий вечер ко мне заглянула нарядная Агнесска и предложила составить ей компанию – отправиться в наше клубное кафе, в котором так любили собираться представители городской богемы. Когда она пришла, из кухни выглянул Макс. Сонечка, как всегда, уютно устроилась на его плечах. Максим предложил Агнесе пройти на кухню, гостеприимно поставил на плиту чайник и стал расспрашивать о жизни и клубе. Во время оживлённой беседы Агнесса охотно отвечала на вопросы, время от времени поглядывая на наручные часики. Терять свой вечер на моей кухне ей явно не хо-

телось. Я оставила их и ушла в комнату одеваться.

Перебрав половину гардероба, остановилась на тёмно-зелёном шёлковом платье. По уверениям Макса, мне оно очень шло. Через несколько минут, полностью готовая к выходу, я вернулась, и мы наконец-то выбрались на улицу. По дороге я поведала, что была на лекции.

– И как, тебе понравилось? – поинтересовалась Агнесса.

– Даже очень. Обсуждали абстрактное мышление и нюансы правды и вымысла...

В кафе салона царил приятный полумрак, и лилась медленная мелодия. За одним из столиков скучал в одиночестве Петя. Увидев знакомое лицо, я обрадовалась и потащила подругу к Петиному столу.

– Привет!

– О, привет, Аля, – он также кивнул Агнесске. – Решили скоротать вечер?

– По-видимому, кто-то также скучает за чашкой кофе, – парировала Агнесса.

– Узнаю тебя, дорогая, – усмехнулся Пётр. – А вот Алечка у нас новичок, и, кажется, наш кофе ей очень даже нравится.

– Очень вкусный, – откликнулась я.

– Аля, что привело тебя в клуб? Тебе понравилось сегодня на лекции? – засыпал меня вопросами Петя.

– Да. Очень интересно. Любавин весьма увлекательно высказывает свою точку зрения.

– О, наш гений – удивительный и интересный поэт.

– Да какой он гений?! – поморщилась Агнесса. – Три прихлопа, два прискока.

– Да ладно тебе. Нормально он пишет, со смыслом, и фантазию где есть приложить, – встал на защиту Артёма Петя. – Если бы ты побывала хотя бы на одной лекции, то изменила своё мнение.

– Никогда его не изменю. Я вижу его таким, каким он есть на самом деле, и без прикрас.

– А какой он на самом деле? – улыбнулась я.

– Вам об этом знать необязательно, – ушла от ответа Агнесса.

– Черта помянешь... – заметил Петя и сделал знак глазами в сторону входной двери.

Я обернулась и увидела знакомую фигуру. Любавин сразу поспешил к нашему столику.

– Привет, ребята, – он пожал руку Пете и кивнул нам с Агнесской. – Ну, как уроки чистописания? – Его улыбка была искренней и, казалось, озаряла всё вокруг своим светом.

– Всё путём, – оживился Петя. – Юные дарования спешат применить свои таланты.

– Да что ты? – улыбнулся Артём. – Как успехи?

– Да вот, Артём, хотел спросить твоего совета, – Петя пустился в глобальные размышления о собственном новом стихотворении. Я с интересом слушала этих двоих.

– К твоим комментариям, Петя, как говорится, – ни доба-

вить, ни убавить. И каждая составляющая данного произведения особо выверена. Я не вижу в твоём стихе совершенно никаких неточностей. – Любавин закончил разговор и взглянул на меня. – Как Вам, Аля, в нашем литературном кафе?

Его переключение на меня немного застало врасплох. Чёрные глаза Артёма выражали явный интерес к моей персоне.

– Очень увлекательный у вас мир, Артём. Достаточно необычен для меня.

– Ещё не пробовали себя на литературном поприще?

– Пока нет.

– Ну, я думаю, у Вас, Аля, ещё всё впереди, – улыбнулся Любавин.

Вообще, улыбался он очень обаятельно, и улыбка необычайно шла ему, меняя, казалось, не только выражение глаз, но и весь облик. Его подобревший взгляд был, между тем, внимателен и... вызывал волнение.

– Безусловно. Я постараюсь написать в ближайшее время что-нибудь.

– Не стоит торопиться, – заметил Артём. – Всё придёт со временем. Иначе стих будет выглядеть слишком искусственно, чем часто грешат начинающие авторы. Я бы советовал прислушаться к собственным внутренним ощущениям – о чём именно хотелось бы написать, в каком жанре. Тогда и искренность проявится.

– Хорошо, учту, – улыбнулась я.

– Уютное место, Аля, да? – Артём окинул взглядом помещение. – Тихое и, главное, всегда с нужной компанией.

– Согласна.

– А знаете что? Давайте я Вас чем-нибудь угощу. Мартини или сок?

– Сок, конечно, – засмеялась я.

Мы отошли к барной стойке, покинув Агнесску, которая увлечённо болтала в этот момент с Петей. Любавин взял сок, и, подвигая стакан, неотрывно смотрел на меня.

– Вот, видите фотографию? – он кивнул на один из снимков, которые были размещены на стене кафе. Я обернулась и внимательно посмотрела на фото. На нём красовался молодой мужчина, который обнимал очень симпатичную даму, намного моложе его. – Это мой знакомый. Он сейчас живёт за границей, на его стихи есть песни, которые исполняют известные певцы. Когда-то он здесь бывал, в нашем кафе. И её он встретил тоже здесь. Со временем они поженились.

– Здорово, – заметила я. – Настоящая любовь?

– А бывает ненастоящая?

Я слегка опешила от этого вопроса.

– ...Знаете, когда-то давно я смотрела фильм, в котором главная героиня физически умирала от любви. Поразительный сюжет. Врачи не могли понять, почему она умирает. А оказалось – от любви.

– Я никогда не испытывал такого сильного чувства, чтобы умирать от любви, – заметил Артём.

– А Ваши стихи?

– Стихи испытывали. Некоторые даже умирали! – усмехнулся Любавин.

– По-вашему, они могут быть написаны так искренне в обход чувствам автора? – спросила я.

– Нет, что Вы... За спиной литературных героев всегда стоит автор. Но вот я от любви физически точно не умирал, – улыбнулся Любавин.

– Душевно от любви тоже хорошо умирать, – улыбнулась я в ответ.

– Не накликайте. Умирать от всего тяжело... И, к вопросу про «настоящее». Однажды попробовав, и зная, какое оно настоящее, разве можно потом спокойно жить от этого настоящего вдалеке и без шанса, пусть прозрачного, вновь почувствовать это настоящее?..

Я словно впала в лёгкий ступор от последних слов Любавина, не зная, что ответить, но тут Агнесска окликнула меня и сказала, что они с Петей вынуждены уйти, поскольку у них появились срочные дела.

– Потом расскажу, – шепнула она мне на прощание.

Мы остались с Артёмом одни в полумраке бара, не считая нескольких завсегдатаев кафе. Народ уже постепенно уходил домой, а время было уже поздним.

– Действительно, поздно, – заметил Артём, наблюдая, как я поглядываю на часы. – Можно вас проводить? Вам далеко добираться?

– Нет, здесь всего две остановки. Но проводить меня можно, – я улыбнулась и взяла сумочку.

На выходе в холле я оглянулась на себя в зеркало. Немного растрёпанные волосы струились по плечам, скрывая воротник курточки, а глаза у меня светились. «Всё от счастья», – мысленно усмехнулась я. Любавин распахнул передо мной входную дверь клуба и галантно пропустил вперёд. Вообще, манеры Артёма восхищали меня, отвыкшую от подобного, – отличались истинным мужским благородством. «В чём, в чём, а в знании этикета этому мужчине не откажешь», – подумалось мне.

Поднимаясь по ступенькам лестницы, которая выводила нас из полуподвального помещения кафе, я нечаянно оступилась.

– Ой! – вскрикнула я.

– Ай! – тут же отреагировал Артём, улыбнувшись, и подхватил меня за талию.

– Каблук можно сломать на вашей лестнице, – сквозь лёгкую боль тихонько рассмеялась я.

– Это с непривычки. Люди частенько спотыкаются на лестницах, ведущих в небо, – тихий голос Любавина прозвучал неожиданно близко. – Сейчас пройдёт.

Через пару минут боль в лодыжке действительно забылась. Мы направились к моему дому, тихо переговариваясь о клубе, о стихах и, конечно, о погоде.

– Чудесный вечер. Не находите? – спросил Артём, запро-

кинув голову наверх и вдыхая осенний ночной воздух. Я тоже посмотрела на ночное небо.

– Красиво. И звёзды так низко...

– Самое время для романтиков и поэтов, – улыбнулся Артём.

– Вы настолько романтичны?

– Не более чем человек, пишущий стихи, – усмехнулся Любавин.

Мне было приятно шагать с ним рядом, вслушиваться в его голос, украдкой посматривать на этого мужчину, который так отличался от всех, кого я знала.

– Мы пришли, – тихо заметила я. – Вот мой дом.

– Спасибо за прекрасный вечер, Аля, – Любавин взял мою руку и осторожно поцеловал её. Этим он несколько не смутил меня. Казалось, я стала привыкать к его манерам. Попрощавшись, я вошла в подъезд, прислушиваясь к своему сердцу, как и советовал недавно Артём...

Глава 5

– Какие хорошенькие! Настоящее чудо!

– Если бы не мы с Петей, лежать бы этим чудам в мусорной канаве.

В просторной картонной коробке копошились пятеро щенков неизвестной породы. Я взяла одного собачьего детёныша в ладони, поднесла к лицу, разглядывая его совсем ещё сонные глазки, и его тёплый розовый язычок тут же лизнул мой нос.

Мы находились с АнеССкой на ПетинОй даче. Именно сюда отправились мои друзья в тот вечер, когда Артём провожал меня домой. Дача находилась в черте города, была достаточно обустроенной и комфортной. Домик, правда, оказался старым – ветхие половицы поскрипывали под ногами, когда по ним ступали, а в комнатах царила невероятная тишина, нарушаемая мерным тиканьем таких же старых, как и дом, «ходиков».

Агнесска примчалась тогда сюда с Петей после того, как его соседи обнаружили в дачном посёлке выброшенных щенков около мусорных баков. Малыши были совсем не приспособленными к жизни и явно могли погибнуть. Сердобольные пенсионеры услышали писк голодных щенков и почему-то позвонили Пете, зная, что он когда-то подрабатывал в ветеринарной клинике города. И не ошиблись, – рядом с Пет-

ром в тот момент рядом оказалась Агнесска, которая тут же поехала на дачу вместе с ним. По дороге ребята купили пакет молока, бутылку с соской и добрых два часа возились поздним вечером с двухнедельными щенками. Накормленные и заснувшие собачьи дети были отправлены Агнессой на передержку к её знакомым за определённую стоимость подобной услуги. Однако вскоре семья отказалась от временного содержания малышей. Супругам требовалось срочно уезжать, и подросшие щенки снова перекочевали на Петину дачу.

В старом доме было тепло и уютно. Коробка со щенками стояла в укрытом от сквозняка месте. Вопрос касался только будущего ухода за ними и последующего определения новым владельцам.

– Я смогу приезжать сюда кормить их. Мне недалеко, – сказала я. – Вместе с Сонечкой и будем сюда наведываться.

Вошедший со двора Петя, услышав мои слова, радостно откликнулся:

– Отлично! Тогда вот ключи. Замок, конечно, иногда заедает, но я сейчас смажу его. Думаю, проблем с открытием двери не возникнет.

– Я добавлю немного средств на питание, – отозвалась Агнесска. – И буду пока подыскивать им новых хозяев. Справимся.

Копошившийся в моих руках упитанный малыш издал довольный писк. Его шёрстка на ощупь была велюровой

и очень мягкой. Глядя на подросших щенков, невозможно было поверить, что совсем недавно они были худыми, голодными и несчастными. Положив щенка обратно в коробку, я вышла по скрипучим ступенькам крыльца во двор.

На даче было необычайно хорошо! Неотступно подбирались первые заморозки, и свежий воздух весь пропитался приятной прохладой. В груди возникало невероятное ощущение холодного воздушного потока, который проникал в лёгкие и дарил свежесть. И хотя я не любила холод, пребывание в старом саду сейчас наполняло каждую мою клеточку особым умиротворением и покоем.

С момента, как Артём провожал меня домой, прошло уже немало времени. Периодически мы виделись с ним на лекциях, но ни он, ни я не предпринимали больше никаких попыток к сближению. Наши немногословные разговоры касались поэзии, темы урока, каких-то вопросов, ответов и уточнения различных нюансов стихосложения. Однако мне всё равно нравилось бывать на его лекциях, познавать его поэтическую мудрость и мировоззрение. Эти маленькие крохи позволили мне создать своё собственное представление о Любавине. В кафе я за все эти дни не появлялась, поэтому даже не знала, бывал ли в нём Артём. Дома было слишком много работы и бытовых дел.

– Ну что, девчонки, поехали? – окликнул нас Петя, заводя машину. Действительно, пора было уже собираться, оставив собачьих несмышлёнышей до завтрашнего дня. – Привезу

старый манеж, щенкам просторнее будет.

Мы сели с Агнесской в Петину «Тойоту» и покинули уютную дачу.

Последующая забота о щенках отняла у меня всё свободное время. Каждый день я с Сонечкой вместо прогулки отправлялась в чужой старый дом. И с каждым днём всё больше в него влюблялась. Ветхие стены хранили свою историю, я с интересом рассматривала прикреплённые к ним фотографии Петиных родственников, и моё воображение тут же начинало рисовать особенные истории бывших обитателей дачи. Особенно мне нравилось изучать пожелтевшие фотокарточки сороковых годов, на которых были запечатлены красивые молодые люди, глаза которых светились простым людским счастьем и послевоенными надеждами. В моём семейном архиве хранились очень похожие фотографии, как и, наверное, в любой семье. То поколение отличало присутствие радости на лицах, просветлённость в счастливых глазах, не смотря на тяжёлые времена.

Щенки в манеже подрастали и с большим аппетитом лакали приготовленную мной кашу. Особенно обрадовалась появлению новых друзей Соня. Порой она не отпускала схваченного наугад малыша из рук в течение часа, но расставалась с ним без плача под мои настойчивые обещания, что снова увидится с маленькими собачатами завтра. Между тем, Агнесска уже успела определить одного нашего подопечного и продолжала и дальше активно заниматься дан-

ным вопросом.

Не смотря на ежедневные поездки на дачу, я продолжала посещать лекции. Любавин, как всегда, необычайно приветливый и обаятельный, был обходителен со всеми своими учениками. Однако казалось, что мне он уделял гораздо больше внимания, чем остальным. «Мне просто кажется», – решала я в один момент, но уже в следующий задумывалась об обратном: «Нет, Любавин явно не ровно смотрит в мою сторону». В то же время, я и сама начинала поглядывать на него уже исходя из совершенно иных собственных мыслей. Более того, это заметил даже всегда равнодушный к моим посещениям курсов Макс.

– Всегда спешишь на свои лекции. Прихорашиваешься. Нет, чтобы дома посидеть. У тебя что, работы нет? – постоянно ворчал он.

Ежедневное ворчание порядком стало меня раздражать. Мне хотелось остаться наедине и писать стихи. Вместо этого, как только какая-либо трогательная строчка приходила мне в голову, Макс грубо одёргивал меня бытовыми вопросами, мешал и всячески старался изменить мои творческие порывы на интерес кухни, заставляя вплотную заняться приготовлением обеда или ужина. После я поняла, что Макс не желает, чтобы мои мысли уносились куда-нибудь далеко – гораздо дальше, чем наш быт. Чтобы во мне присутствовали какие-либо фантазии. Он явно заметил во мне разительную перемену – что я далеко уже не та домохозяйка, думаю-

щая о работе, а творчески устремлённая личность, постоянно спешащая на свои поэтические уроки.

Вначале Макс пытался интересоваться моим пребыванием на лекциях, но как только увидел, что об Артёме Любавине я говорю больше, чем того следует, замолкал, а глаза его покрывала тёмная поволока подступающей ревности. Впрочем, во всём, что касалось меня, Макс всегда был своего рода тираном, считающим, что имеет полное право располагать мною во всех смыслах. Даже в творческом развитии. Наблюдая, как я прихорашиваюсь перед зеркалом, спеша в клуб, Макс со злостью вставлял какое-нибудь ехидное, саркастическое замечание. Мне казалось, что ещё немного, и он просто запретит мне ходить на лекции Артёма.

В тот день я прибежала на урок первая, взбудораженная очередной ссорой с Максимом. Глаза мои гневно пылали, и я присела за свой стол, пытаюсь усмирить свой бушующий гнев.

– У Вас что-то случилось, Аля? – раздался тихий голос Артёма.

Я отрицательно покачала головой:

– Нет-нет, всё нормально.

– Мне так не показалось, – заметил Артём. – Судя по Вашим глазам.

– А что в моих глазах не так? – улыбнулась я.

Артём присел на соседний стул, пристально вглядываясь в мои зелёные очи.

– О, в них можно увидеть много всего разного-преразного. Боль, злость, надежду, любовь, нежность. Целую гамма чувств...

– Неужели?...

– Вот губы Ваши тронула сейчас улыбка, и глаза тут же поменяли свой оттенок. В них мелькнула искра, и вот она уже разрастается, становится больше и больше. Глаза начинают сиять.

– Вы большой знаток женских глаз, – улыбнулась я.

– Кто бы сомневался! – улыбнулся в ответ Артём.

В этот момент в класс вошли ребята. Артём встал.

– Хорошего Вам вечера, Аля.

После лекции мы столкнулись с ним в дверях.

– Аля, Петя просил передать Вам ключи от дачи. Он забыл оставить их в условленном тайнике. А ещё просил обязательно навестить сегодня голодных подопечных.

К слову сказать, тайником служил старый почтовый ящик, прибитый к ветхому дачному забору.

– Вас подвезти? Дача далеко? – добавил Артём.

– Не слишком. Но поехали.

Мы вышли с ним из клуба, и Любавин повёл меня к своей припаркованной невдалеке машине. Присаживаясь на переднее сиденье, я прислушалась к своему бьющемуся сердцу и украдкой залюбовалась лицом Артёма. Оно определённо мне очень нравилось.

Глава 6

Тёплый язычок щенка приветливо лизал ладонь Любавина. Я наблюдала за улыбкой Артёма, за его невольно подрагивающими пальцами от интенсивных движений щенячьего языка и думала о собачьей преданности и доверии к людям. Только собаки могли любить абсолютно безусловной любовью, смотря в глаза, положив голову на колени, и ждать своего хозяина к концу рабочего дня.

– Если бы в каждом из нас было процентов пятьдесят от Хатико... – словно услышав мои мысли, тихо произнёс Артём. – Какие же люди порой... хуже собак. Намного.

Голос его звучал чуть слышно, боясь нарушить неожиданно возникшее содружество между человеком и маленьким представителем животного мира. В тихой и размеренной тональности сказанных Артёмом слов ощущалась глубоко скрытая тоска, которую трудно было даже назвать печалью. В ней таилось всё когда-то пережитое, словно заснеженная память былых потерь, предательств и несправедливости вдруг неожиданно вырвалась наружу под воздействием простого, но такого необычного доверия животного к незнакомому человеку.

– Бывают и редкие исключения, которые всё же встречаются в жизни... – негромко отозвалась я. – У памятника Хатико влюблённые назначают встречи. И читают друг другу

стихи. Весьма подходящее место.

– Исключения – это про нас с Вами? – улыбнулся Артём, заглянув в мои глаза.

Его неожиданный вопрос и пыливый взгляд невольно смутил меня. Я растерянно не знала, что ответить под этим пристальным взглядом. То ли направить свой ответ в поэтическое русло тонких проявлений чувственности всех влюблённых в мире, то ли остановиться на настоящем конкретном моменте. Мне показалось, как бы со стороны, что в тихой комнатке старой деревянной дачи двое взрослых людей говорят сейчас о самом важном. В результате я промолчала, безмолвно соглашаясь с выводом Артёма.

Любавин осторожно положил пушистое тельце щенка в манеж и направился к камину. На дворе стоял декабрь, поэтому первым делом Артём хорошенько растопил старый, запылённый камин на даче. Уже через несколько минут разгоревшиеся поленья весело потрескивали, а сам дом наполнился приятным уютом и теплом.

Артём сел на выцветший половик на полу и протянул свои руки к камину. Мужские плечи немного ссутулились, от этого вся его фигура выглядела необычайно трогательно. Сразу же возникло желание подойти и обнять этого печально-го человека, которого не жаловала жизнь, резко поменяв привычный обыденный уклад на зарешёченное «царство» небытия. Можно было только предположить, что творилось там за колючей проволокой зоны, что происходило в душе

и во внутренних ощущениях Артёма, когда он впервые попал в камеру. Я прекрасно осознавала, что никакие публикации, книги или стихи о жизни арестантов никогда не смогут передать всей людской боли справедливого, но злобного в проявлении этой справедливости тюремного мира.

Направившись к одинокой фигуре у камина, я устроилась рядом и просто взяла его за руку. Пальцы Артёма слегка сжали мои, и в этот момент я знала, что он, безусловно, верно понял мой жест.

– Это боль... – тихо произнёс он, глядя на осторожные языки пламени в камине.

– Вы умеете читать мысли?... – чуть слышно отозвалась я. Артём повернул ко мне лицо и серьёзно, с убеждением ответил:

– Я умею читать мысли.

– Настоящий волшебник? – слегка улыбнулась я.

– Хм... Это не так трудно, если чувствуешь человека...

Какое-то время мы молча сидели у камина на полу, наблюдая, как огонь ласкает сухие поленья. Наконец я негромко произнесла, обобщая все обоюдные ощущения от разговора и его воспоминания о былом.

– Ожидание сильнее надежды. Человек способен ждать, даже когда нет никаких надежд.

– Это вряд ли... В утраченных надеждах присутствует дыхание смерти...

Я встала, чувствуя, как горло перехватил комок, и отошла,

оставив Артёма наедине с самим собой. Невозможно найти подходящих слов, полностью ощущая чужую боль. Ведь Артём стал мне уже достаточно близок своими стихами, которые, как мне показалось, открывали его душу. Спустя время Любавин тоже поднялся, словно сбросив, наконец, с себя всю тяжесть и оставив свою горечь разыгравшемуся пламени.

На обратной дороге мы молчали. Каждый из нас не хотел нарушать то, что сблизило двоих у камина на старой даче. Но я была уверена, что Артём вёл машину с лёгким сердцем. Пламя камина забрало его нахлынувшую печаль. Пусть не навсегда, ведь невозможно всё вычеркнуть из прошлого, переписать заново, но огонь, как и вода, способны на многое.

Дома меня ждало очередное раздражение Максима от позднего возвращения домой. Я смотрела в глаза мужа и видела в них только ярость. С возникновением Артёма в моей жизни я совсем по-другому стала воспринимать Макса. Всё больше я задумывалась о том, что он далёк от моих творческих интересов и увлечения поэзией. Мне даже вспомнилось, как когда-то очень давно, однажды после нашей свадьбы, во время прогулки по рынку, Макс наотрез отказался купить мне небольшой томик Ахматовой в мягком переплёте. В те времена не было интернета, и единственной возможностью слиться со стихами моего любимого поэта была только покупка книги. Однако все деньги были у Макса, и он решительно отказывался их тратить на приобрете-

ние совсем недорогого томика. В результате мы поскандалили, но, в конце концов, Макс с большим раздражением купил мне, по его мнению, совершенно ненужную вещь. В тот вечер я с особым чувством счастья держала в своих ладонях томик Ахматовой, погружаясь в такие, знакомые и близкие мне строки. Спустя много лет мне по-прежнему дорог потрепанный томик со стихами классика, хотя я давно уже стала читать Ахматову в интернете. Всякий раз, делая уборку на полке, я брала книгу в руки и вспоминала неприятную ситуацию её приобретения. Больше я никогда не просила Макса купить мне сборник стихов интересующего поэта. А с появлением в доме интернета возможность читать не только стихотворения, но и разнообразную публицистику стала для меня доступной.

Гневные нападки Макса вызвали во мне ответные негативные эмоции. Мы, как обычно, сильно поругались и наговорили друг другу слишком много гадостей. В итоге я в ужасном настроении отправилась в комнату, к кровати, в которой спала Сонечка. Иногда мне казалось, что лишь улыбка моего ребёнка и смотрящие с любовью карие глазёнки дочки только и спасают меня от отсутствия взаимопонимания в семье. Сонечка беззаботно спала в своей кровати, положив кулачок под щёчку. «Настоящий спящий Ангел» – подумала я, любуясь малышом, который даже не подозревал, какие страсти только что бушевали на нашей кухне.

Впрочем, на следующий день всё было как обычно. Отли-

чительная особенность Макса не акцентировать своих ощущений и мыслей на постоянных скандалах вновь привела к тому, что разговор между нами протекал вполне мирно в это утро. Затем я занялась работой, пока звонок по телефону не отвлёк меня. Звонила Ариша – девчушка с конопушками, посещающая со мной курсы по литературе.

– Алечка, милая, срочно надо пойти в старую библиотеку за одним альманахом. Это в ту, которая на Кузнецкой, а не на Иванова.

Ариша сказала мне название нужного сборника, и я пообещала непременно отправиться сегодня в старую, забытую посетителями библиотеку на Кузнецкой.

Уже ближе к вечеру, приготовив ужин своим домашним и оставив Соню на попечение Максима, я отправилась в нужное мне место. По дороге я думала об Аришке, её задорных стихотворениях и весёлом нраве. Вся поэзия этой молоденькой девчушки с веснушками на лице отражала её оптимизм и добродушный характер. Ариша была хорошей приятельницей Пети, – казалось, что эта парочка везде присутствует вместе. Перед моим выходом Макс, как обычно, язвительно заметил, что я вся поглощена заботами своего литературного клуба. Стараясь не сорваться в ответ, я быстро выскользнула из квартиры.

В помещении библиотеки царили полнейшие тишина и покой. Деревянные стеллажи хранили свои книги, словно священную реликвию. Я проходила по рядам, отыскивая

нужный альманах, стараясь не нарушить величия многочисленных изданий. Здесь хранились мысли, ощущения, мечты, сомнения и выводы. Сборник оказался на самом верху стеллажа.

– Сейчас я Вам помогу, – отозвалась из соседнего ряда хранительница библиотечных книг – милая и приятная дама в очках.

Она вынырнула из глубины помещения со стальной стремянкой, ловко установила лестницу и вознамерилась самостоятельно забраться на самый верх.

– Нет, нет. Я сама, – остановила я женщину и стала взбираться по ступенькам. Неожиданно вспомнилась наша кованая лестница перед входом в арт-кафе и ситуация с моей вывихнутой лодыжкой. На мгновение я даже почувствовала то осторожное прикосновение руки Артёма к своему локтю.

Оставив меня, библиотекарь ушла. Достать альманах на полке оказалось непросто. Я перебирала томики и даже не успела заметить, как небольшая книга в мягком переплёте с лёгким шорохом раскрывшихся страниц упала на пол. Ну вот, теперь придётся спускаться по стремянке, поднимать упавшую книгу и возвращать её на место. Я с досадой взглянула вниз. Достав, наконец, нужный Аришке сборник, осторожно спустилась по неустойчивой лестнице и подняла упавший том.

Интерес заставил перевернуть обложку и прочесть имя автора и название «Артём Любавин. «Возвращение». Мои

глаза буквально вцепились в начальные строки повести.

Глава 7

*«... в истории одного человека заключена
история всего человечества»*

П. Коэльо

«Я помню всё...

Это расскажу я далеко не всё, из того, что он мне рассказывал, к тому же на некоторые важные эпизоды мне не хватило литературных способностей для описания, кое-что я сознательно упустил, – не то, чтобы счёл их несущественными, просто... они выпадали из рамок именно этого повествования. Может быть, в другой раз. Если случится оказия.

...Я познакомился с ним в колонии строгого режима. Срока наши отличались не намного. Я сидел за убийство, а у него был целый «букет» – несколько эпизодов похищения и вымогательства, квартира, – одно из громких раскрытых преступлений начала нового века в Москве. Громким оно стало, благодаря публикациям в Интернете и в одном из популярных периодических изданий страны, хотя, на мой взгляд, не должно было иметь такого резонанса, – чудили и поболели, – разве что личности потерпевших способствовали тому, чтобы о преступлениях заговорили. Он вообще имел склонность к жизни по известному принципу: красть, так миллион, спать, так с королевой. У меня это вызывало уважение,

если не сказать лёгкую зависть. Но и кроме этого максимализма в поступках, его было за что уважать.

...Внешне непримечательный, не в плане того, что лицо у него было заурядным, напротив, такие лица, с тонкими чертами какой-то врожденной интеллигентности, нерусскости, что ли, запоминаются, как правило, надолго, а непримечательный – по причине своей незаметности в массе, умению не выпячиваться, держаться до поры, как бы, со всеми. Но стоило встретиться с его цепким и внимательным, прожигающим взглядом, становилось понятным, что этот дядька не так прост, как кажется, и каким ему, наверное, хотелось казаться самому – простодырым оптимистом. Глаза его выдавали.

Он жил какой-то своей, внутренней жизнью и, казалось, был вполне её удовлетворен, не обращая внимания на стеснённую свободу и необходимость подчиняться; он воспринимал реалии как данность. Можно было подумать, что он человек глубоко верующий, относящийся к наказанию покорно, как и подобает страстотерпцам, но я знал, что это не так, что он далёк от Бога, как и я. Более того, он считал, что поскольку религия есть выдумка людей властолюбивых, то её задача – подчинение, ограничение свободы, воспитание и мобилизация послушной массы. Его Богом была его совесть, его представления о жизни, его «понятия», – то хорошее, что жило в нём, в его душе. Другого Бога он не признавал, но и атеизма не пропагандировал – ведь какой-то Бог

нужен каждому. Агностик, словом.

Он был старше меня лет на семь или восемь, но выглядел моим ровесником. Среднего роста, сумевший сохранить юношескую стройность и такую же подвижность; седина тронула его волосы не столь обильно, как мои, морщины не избороздили смуглого и чистого лица, а улыбка была открытой и приятной. Но когда появлялась, не совсем шла ему самому, удивительным образом проявляя его подлинный возраст, обнажая прокуренные, сжелта, зубы. В общении он был человеком эмоциональным, порывистым, зачастую чрезмерно, в особенности с теми, кого он допускал к себе поближе, кому доверял в той степени, в которой возможно доверять человеку в лагере. Если его что-то по-настоящему волновало, он становился многословным, говорил быстро, чувствовалось, что мысли опережают слова, что нервная система у него расшатана, голос в такие моменты у него начинал дрожать, и становился на полтона выше. Он не нравился мне таким. Мне импонировала его степенность, здравость рассуждений, точность формулировок и редкая объективность в оценке событий, ту самую, которую принято называть справедливостью. Отмечу, что спокойным в речах своих он бывал только тогда, когда не позволял эмоциям захлестывать его. Увы, жизнь в зоне раз за разом подтасовывала нам ситуации, которые оценивать спокойно было тяжело, не говоря уже о деятельном участии в них. Да и стоит ли вообще говорить о том, что тебе безразлично: будь то реальность или

воспоминания, – словоблудие получается, не более.

Я не рассуждаю о том, хороший он или плохой. Он разный, противоречивый, как сама природа, как и большинство из нас. Вместе с тем, он какой-то последовательный, правильный в оценке людей и событий. Он называет белое белым. Убеждает в нравственности своих оценок. С ним хотелось соглашаться, хотя порою и трудно было сломить собственное самолюбие, преодолеть возмущение его сарказмом, особенно, если его едкие замечания или провокационная шутка, касались меня самого. Мне нравилось с ним общаться. Я благодарен судьбе, что она сводит меня, время от времени, с такой редкой породой людей; от общения с ними жизнь моя не кажется мне такой уж пресной, я многому учусь, ухожу от обыденности своего существования, в котором есть только вечное ожидание конца срока и страх перед будущим, перед свободой...

Встречались мы с ним не так часто, как этого хотелось бы мне, особенно в последние годы перед его освобождением. При встрече я, нет-нет, похваливал его, то за хорошие стихи, которые он передавал для публикации в местную газетёнку и, которые мне действительно казались вполне приличными, то за качества его характера и умение не лизоблюдничать перед «высоким начальством», то за умение отстаивать свою точку зрения. Мне казалось, что он не равнодушен к моим положительным оценкам, что «елей» этот ему необходим, хотя и начинал догадываться о том, что, в принци-

пе, он человек самодостаточный, и ему, по большому счету, совершенно без разницы, хвалю я его или ругаю. Однако я считаю, доброе слово и кошке приятно.

Слушая его, я «виртуально» познакомился почти со всеми героями его рассказов и стихотворений. Я знал имена почти всех его знакомых, друзей и женщин, которые были рядом с ним на свободе в разные периоды его жизни, хотя и общение наше чаще всего носило отрывистый характер, так как лагерная система не подразумевает возможности для сколько-нибудь значимого сближения и постоянства и порой ограничивается коротким рукопожатием и обоюдными вопросами: «Ну, как ты, брат?»

Записи, которые вы держите в руках, я делал эпизодически – личное время у заключенных также ограничено и не только распорядком дня, но более невозможностью остаться одному, наедине со своими мыслями. Можно сказать, что мне удалось просто перенести на бумагу его рассказы. Полагаю, что рассказы эти были откровенны. Подобную откровенность мы можем позволить себе, повествуя о людях и событиях, отстоящих от нас так далеко, что уже не будет возможности проверить их «всамделишность», встретиться с персонажами этих событий, чтобы они сказали: «Да-а, были времена...». Или это проявляется «синдром попутчика». Опять же: «Не жди, не встретимся».

В общем, если кто-то из читателей увидел знакомые лица или вдруг узнал себя, значит, я точно воспроизвел услышан-

ное, а рассказчик не кривил душой, не искажал и не приукрашивал произошедшего. Впрочем, за абсолютную точность я не ручаюсь. Да и нужна ли она, абсолютная точность?

Мне важно было передать его время, его характер, проявляющийся в поступках, праведных и неправедных, мне хочется, чтобы о нём, о тех, кто был с ним рядом, а значит, влиял на него, или был подвержен его влиянию, кто-нибудь, когда-нибудь вспоминал. Задачи понравиться читателю я перед собой не ставил – не дал Бог таланта для этого. Простая история из жизни рядовых российских граждан конца двадцатого столетия – самого начала двадцать первого. О первых годах века XXI-го, которые мы с главным героем провели в колонии строгого режима, я напишу позднее. Сейчас, в лагере, это неуместно по соображениям цезуры. Да и по событийности лагерная жизнь не так интересна, чем та, которой мой герой жил на свободе, хотя и в ней случались «ЧП районного масштаба», но касались они преимущественно характеров действующих лиц, их человеческих качеств.

Пожалуй, он и сам мог бы написать обо всём, что с ним происходило, но на мой вопрос, почему он этого не делает, ответил однозначным «нет». Допытывал его: «Почему нет?» И знаете что он, в конце концов, мне выдал? «Любые мемуары – попытка оправдаться. А мне оправдываться не за что...»

Нас тьмы, тех, кто проживает свою жизнь неприметно, но мы были, и каждая такая незаметная жизнь давала жизнь

другим, влияла и отражалась на жизнь других, простым присутствием, вдохом и выдохом, значит, все мы, герои и герои, бездари и преступники нужны друг другу, являем собой суть одно целое – человечество. Не бывает людей ненужных, всяк по-своему необходим истории, чтобы она не замерла, не остановилась, чтобы род человеческий продолжался. «Кто матери-истории более ценен?»

* * *

...Даже уехав из этого города, сменив, так называемое «место регистрации», он часто возвращался сюда. Здесь оставалась матушка, друзья, гранитные памятники, – все то, что классик жанра именовал «дымом Отечества», который нам «сладок и приятен», тем более что память избирательна, отсеивает плохое, оставляет хорошее, поэтому возвращаться было не в тягость. Он возвращался, как возвращаются к преданной женщине, которая всегда рада твоему внезапному появлению на пороге своего одинокого дома. Начинает суетиться, охать, причитать, целует тебя радостно, попадая теплыми, мягкими губами куда придётся: в щетину щёк, в нос, в устало прикрытые веки. А ты стоишь умиротворенный и довольный собой, обнимая и прижимая к себе это ласковое создание, по которому тоже скучал, где-то там, за тридевять земель, в другом мире, в других обстоятельствах, в другом окружении.

Все пять часов непрерывного полета в этот город ему было приятно осознавать, что его ждут, он ощущал где-то под ложечкой волнительную дрожь, вызванную предчувствием удивленных улыбок от своего возвращения. Дрожь совсем легкую, как дрожат капли дождя в лесной паутинке бабьего лета под дуновением ветерка, гуляющего между соснами, трепетно-сладкую, как в те далекие годы, когда был совсем юным и собирался с духом, чтобы поцеловать соседскую девочку – царевну дворового сообщества.

Спускаясь по трапу к подернутому утренним инеем асфальту, и шагая дальше, мимо стеклянного здания аэровокзала, которых в подобие своём было множество на всем пространстве бывшего Советского Союза, он знал, что его встречают. Что через несколько минут он упадёт в крепкие объятия «братвы», будут короткие вопросы, короткие ответы, скупые, немногословные комментарии к каким-нибудь «разборкам», «стрелкам» и прочим атрибутам жизни шпаны конца 20-го века, еще не утратившей воровской романтики и остатков веры в справедливость. Вдыхая приятный и обычный для этого времени года морозец, он поспешил к мигнувшей дальним светом за воротами летного поля большой и дорогой машине с тонированными стеклами. «Растет благосостояние народа, – сказал он самому себе, – растут пацаны. Это радует».

– Как обычно? – спросил его водитель, разгоняя машину по заиндевавшему асфальту.

– Конечно, – ответил он, глядя в мелькающие за окном первые, покрытые туманной дымкой дома города, присоседевшему к себе аэропорт...

Он знал, куда и к кому надо ехать в первую очередь. Сначала к тем, кому мы уже не нужны, а они для нас, чем дальше во времени – тем дороже. Человеку достаточно не делать тебе ничего плохого, а уж хорошие-то качества мы, после того, как его не станет рядом, разоведем до абсурдного неприличия, оправдывая, тем самым, свою избирательность в последующем общении с людьми, все реже и реже допуская кого-нибудь к себе, нежели делали это в молодости. Может старость, отчасти, поэтому и называют «одинокой» – человек с годами устает разочаровываться в людях, остается наедине с самим собой, а от себя самого избавиться труднее, чем от посягающих своим общением на твое самолюбование, или самокопание, – уж кому что дано. Всё надоедает, в том числе и люди, а потом, наверное, и сама жизнь...

...Тому, к кому он ехал в первую очередь, жизнь надоесть не успела. Его «увольнение» и по сию пору оставалось для него загадкой, разгадать которую с годами становилось все труднее, так как «устраняли» и тех, кто мог иметь к этому печальному событию какое-либо, пусть даже опосредованное, отношение. Некоторые умирали сами, вернее, по другим причинам. Из тех, с кем он существовал в криминаль-

ном мире, застрелили – троих, один погиб в автокатастрофе при популярных в то время обстоятельствах – после кабацкого разгула, с девчонками на заднем сидении «длиннокрылой девятки». Он остался один. Впрочем, одиночество его никогда не страшило, да и остаться одному, реально, у него никогда не получалось. Будучи на вид человеком компанейским и общительным, он после нескольких часов «словоблудия и вакханалии» суесящихся, болтающих ни о чём образов, уставал от них. А, может, уставал подыгрывать им. Уставал казаться кем-то, быть не самим собой, ему хотелось уединения, тишины, он начинал спешить в свой уютный собственный мир, в мир семейный, который очень ценил и оберегал, который создал как-то незаметно для самого себя, «по ходу пьесы». А может этот тёплый мир, создала его жена? Что, впрочем, не так уж и важно – он любил туда возвращаться, любил до такой степени, что возвращение стало сутью его психологии, сопровождало его не только в поступках, но и в мыслях. Он начал жить с оглядкой назад, хотя и стремился все время вперёд, ставил перед собой, казалось бы, нереальные цели и, как ни странно, умел до них добираться. Пусть даже и со значительным опозданием. «Кто понял жизнь, тот не спешит», – часто повторял он, хотя внутренне не был согласен с этим банальным высказыванием. Но, когда «слово изреченное» соответствует нашим мыслям? Ситуация подобная столь же редка, как и та птица, которая «может долететь до середины Днепра». Во всяком случае, в той

среде, в которой он вынужденно существовал, дело обстояло именно так. Поэтому, он никогда и никому не открывался до конца, зная, что, чрезмерно «открываясь», легко пропустить удар между перчаток. А ходить с расквашенным носом он не любил с детства, слишком неприглядным было это зрелище – плачущая жертва. Как и большинство, он не хотел видеть себя «униженным и оскорбленным», потому избегал откровенностей, драк и дураков. Последних в особенности. И это, кстати, было самым трудным.

«Бог мой, с кем приходится общаться...», – вздохнул он сам себе, покосившись на водителя, в пылу диалога с сидящим позади них качка, бросившего: «Не надо эрозничать!» – подразумевая, по-видимому, «иронизировать»...

Через двадцать минут они медленно въехали в кладбищенские ворота.

Ему была поразительна и дорога лёгкая «придурь» русского человека. В советские времена это место носило праздничное название – «8-е Марта». Поговаривали, что оно прилепилось к кладбищу якобы от соседства с каким-то совхозом, названного так, в свою очередь, начальником-оптимистом. После «перестройки», меняющей всё и вся, сменилось и название погоста: «Берёзовая роща» – красовалась крупная вывеска. «Что ж, тоже неплохо», – подумал он, опуская кожаные подошвы лакированных туфель в весеннюю слякоть, разогретую утренним солнцем. Сунув руки в карманы кашемирового пальто, он не спеша, двинулся к черным мра-

морным обелискам, все более плотно смыкающимся по левую сторону от дороги. «Хм, даже здесь люди стараются поместиться в престижном районе», – пробурчал он, закури-
вая, – «Неси, что там...», – добавил он громче, вполоборота к машине. «Это нужно не мертвым, это надо живым», – продолжил уже мысленно, ставя граненый стакан на покрытую влагой мраморную твердь. «Прости меня, дочь...», – прочел он последние слова собственного стихотворения, написанного им когда-то в качестве эпитафии своему другу.

– Ну, здорово, братишка... Как ты там?...»

Глава 8

Длинные коридоры чужой жизни явственно встали передо мной, как только я начала читать повесть. Боль и надежда, любовь и зависть, отчаяние и внутренние противоречия – всё присутствовало на бледных страницах с типографским шрифтом. Особенности характеров героев и их последующие диалоги настолько захватили меня, что я, не отрываясь, поглощала строку за строкой. В тот момент я забыла обо всём на свете и, устроившись прямо на полу среди библиотечных стеллажей, полностью погрузилась в жизнь главного героя. Не оставалась сомнений, что повесть была автобиографична, пусть и написана не им самим, и от этого она ещё больше притягивала меня. Артём словно предстал с другой, совершенно незнакомой мне стороны и постепенно, с каждой новой страницей, открывался всё больше и больше.

* * *

«... Дом, который принято называть «родительским», стоял в старых кварталах города. Кварталы эти были двухэтажны, все еще полны деревьев, хоть и стареющих, вследствие этого, нещадно обрезаемых службами «горзеленхоза», немногочисленны, хранили его самого в далеком детстве и юно-

шестве, с ними было многое связано волнительного, приятного, наполненного первыми, самыми острыми чувствами.

«Давайте, шпана, увидимся. Спасибо, что встретили. До вечера!», – сказал он в плавно поднимающееся чёрное стекло автомобиля, повернулся, и зашагал к подъезду, по ходу легко перепрыгивая через маленькие лужицы, оставляя чуть в сторону руку с лёгким саквояжем. У входа он обернулся на детскую площадку, расположенную перед домами, заметил, что исчезли деревянные баскетбольные щиты, а теннисный стол лишился нескольких досок, от чего стал напоминать две высокие скамьи без спинок. В прошлый приезд он не обнаружил остатков песочницы – на её месте была простая куча песка, наполовину уже растасканная, видимо для кошачьих туалетов. Сейчас осталось только желтое пятно. «Ладно, хоть мусорные баки никто на дачу не упер», – глянул он на привычное соседство и открыл дверь. На площадке подъезда, хранящей летом прохладу, а зимой – тепло, было, как всегда, чисто и тихо. Чуть выше панели ядовито-зеленого цвета висел график уборки подъезда жильцами. Соблюдался он безоговорочно. И уже не первый десяток лет. И практически не меняя фамилий участников. Дверь родительской квартиры, в отличие от соседских, была самой скромной, поставленной еще при сдаче дома, остальные жилы уже обзавелись вторыми – металлическими. Звонка у них тоже никогда не было. Они стучались, и по стуку распознавали, кто пришел. Почтовый ящик, закреплённый

на выступающей филенке дверного полотна, хранил семейно-родственную тайну: просунув пальцы в небольшое пространство за ним, можно было обнаружить короткий гвоздь, на котором, если дома никого не было, всегда висел ключ. Они не изменяли этой традиции даже теперь, когда наркоманы в поисках хоть какой-нибудь наживы стали нещадно обирать квартиры, а заодно и кладовые в подвалах старых домов. Ключа на привычном месте не оказалось: слишком рано, чтобы куда-нибудь уходить. Он постучал...

– Здравствуйте! – произнёс чуть растягивая приветствие.

– Здравствуй, сынок! С приездом! Как долетел?

Они обнялись.

– Нормально, мама. Слава богу. Меня встретили.

– На кладбище заезжал?

– А ты как знаешь? Водкой пахнет?

– Конечно.

– Был, ага. У наших у всех всё нормально. Лежат.

– Да уж, понятно. Отбегали свое. Давай, руки мой, чайку попей.

– Спасибо, мама, чай – не водка...

Он сильно походил на мать. Внешне. Насколько они похожи внутренне, он так пока и не понял – как-то был все время слишком занят самим собой. Да и, чтобы понять, надо было сблизиться, а с возрастом жизнь их все более отдаляла. Тех дней, которые они, в силу разных обстоятельств, прово-

дили вместе, было явно не достаточно для того, чтобы можно было сделать полноценные выводы о схожести их характеров. Таких людей, которые знали бы хорошо и мать, и сына, рядом, как правило, не оказывалось. Единственно, жена иногда бросала вскользь, что характером он в мать, такой же вредный. Он относил это к противостоянию невестки и свекрови, к привычному женскому ассоциативному мышлению, не воспринимал этих слов всерьез, полагал, что и сказаны они, скорее шутя.

Если во главу любви ставить благодарность – он любил свою мать. Если в основу взаимопонимания и случающейся духовной близости ставить количество пережитого горя – он понимал свою мать, как никто; был ей близок. Понимать и любить для него были понятия если не тождественные, то уж, никак не существующие раздельно. Он не относился с трепетом к тому, что мама его родила – для него это нечто само собой разумеющееся – куда денешься. Он, наверное, любил ее за то, что она любит его. Кроме того, он называл любовью несколько иное чувство, больше применимое к отношению между мужчиной и женщиной. Он никогда не мог точно сформулировать, что он испытывает к матери, как назвать это чувство, это больше, чем чувство – кровную связь, но знал одно – ему будет очень больно потерять её. Он ужасно не любил похорон и старался их избегать. Не хотел видеть умершим того, тех, кто был дорог и оставлял его. Просто не желал ничем не затенить образ живого человека,

остававшийся в памяти. А уж по отношению к матери, боялся даже думать о том, что когда-нибудь она его бросит, эта маленькая, теперь уже совсем седенькая старушка, добро и приветливо улыбающаяся ему при каждой встрече. Внутри всё сопротивлялось мысли о неизбежной утрате. Но он не умел, как и все в их семействе, высказывать ту нежность по отношению к близким, которая, вероятно, жила в каждом из них, и, которую полагалось бы проявить в эти годы, когда тень грядущего прощания прорисовывалась всё чётче – не был научен открытому проявлению чувств. У них в семье это было не принято. А может, он просто не помнил этого. Не помнил себя маленьким. Став взрослым, считал, что его не долюбили в детстве, хотя и подумывал, что это не так, что просто успел забыть обязательные ласки и тисканья, поглаживания и прижимания, такие естественные при демонстрации эмоций. Во всяком случае, на детских фотографиях его лопоухая физиономия всегда счастливо улыбалась, и кому, как не маме, должно говорить: «Спасибо, за наше счастливое детство». А теперь у него свой, почти взрослый ребенок, и он, конечно же, любит его. Любовью родителя к чаду.

В квартире с годами практически ничего не менялось. Обстановка была предоставлена сама себе, старела и ветшала вместе с хозяйкой. Хранила на себе отпечатки былых событий. Как на лице человека появляются морщины, так и в обстановке появлялись едва заметные следы «жизненного опыта»: какие-то сувенирчики, небольшие фотографии в рам-

ках, прочитанные книги, но в целом это было все тоже лицо, «молодящееся», разве что, за счет переклеиваемых, время от времени, обоев. Две комнаты, малюсенькая кухня, большая чугунная ванна – всё это его отец получил от стройки в середине 60-х годов.

Город в то время строился обильно и щедро, главным образом за счет «трудовых резервов» – вокруг города стояло более десятка лагерей самых разных режимов: от «малолетки» до «рябого». Колонны в серых бушлатах ежедневно, по утрам и вечерам, кроме воскресенья, появляющиеся на улицах города, представляющего собой скорее сплошную строительную площадку, были не редкость – привычное явление. «Запретки» располагалась обильно, кочевали по городку, делили его на квадраты и прямоугольники, оставляя после переезда готовые здания, разные по стилю и предназначению, но сделанные одинаково добротнo, «на века».

Дом, на первом этаже которого, его отцу выделили квартиру, тоже был «комсомольской стройкой», как и все старые квартала города. Сам он новоселье помнил слабо, разве что, в памяти отложилось вручение богатого подарка отцовской и маминой родни – небольшой, купленный вскладчину, черно-белый телевизор «Рекорд». Впрочем, цветных тогда и не существовало. Чтобы как-то украсить серую картинку, к телевизору прилагалась прозрачная трехцветная пленка, легко закрепляемая поверх экрана: голубой верх, красная середина, зеленый низ. Мерцающая картинка единствен-

ной в стране студии, сразу становилась веселей. Соседи приходили к ним по вечерам, чинно рассаживались напротив редкой вещи, а, уходя, говорили: «Надо же!». Собрания эти для него были привычны. Многие годы спустя, уже в его собственную квартиру, соседи приходили смотреть «видюшник», стоящий по новым временам чуть ли не столько же, сколько «Жигули», и не каждый обыватель мог себе позволить подобную роскошь...

Ещё до этого, когда по приезду в город они снимали большой, бревенчатый дом в пригородном поселке, у них тоже стоял подобный «атрибут технической революции», правда, экранчик у него был размером с пачку соли по 10 копеек, зато какая линза располагалась перед этим экранчиком, – своего рода круглый, плоский аквариум, наполняемый водой. Чудо сие, называлось «КВН». Как уж это расшифровывалось на самом деле, он не знал, но взрослые, смеясь, говорили: «купил, включил – не работает». У них телевизор работал, работал хорошо, собирая вокруг себя достаточно обширную любознательную и удивлённую новшеством соседскую аудиторию.

Он помнил себя маленьким, в шортах и чулках на пажах, в белой рубашке, стоящим напротив телевизора, упершись подбородком на круглый стол на резных ножках, покрытом накрахмаленной скатертью, на которую стекали слезы с его круглых щек. До того ему было жалко дяденьку, который негромко, но как-то очень породному и по-настоящему пел

о том, что «враги сожгли родную хату, сгубили всю его семью». Он стеснялся своих слез, боялся, что взрослые их заметят, убегал в другую, темную комнату деревянного дома и там уже плакал вволю, обещая отомстить «проклятым немцам» и, надеясь, что ему тоже дадут медаль, как и дяде – «За город Будапешт». Куда девался этот первый, огромный телевизор после их переезда в новую квартиру, он не знал, а спросить об этом у матушки, как-то забывал...

Он знал, что дом этот, располагавшийся на улице Московской (улиц с таким названием в городе почему-то было две), они могли купить тогда за сравнительно небольшие деньги. Заняв-перезаняв у родни, в рассрочку. Но его отец не стал этого делать, дождавшись очереди и, получив эту скромную квартирку, из которой его и проводили в последний путь почти сразу после выхода на пенсию. Не осознавая, хорошо это или плохо, что отец не стал связываться с хозяйством в городской черте, не придавая этому никакого значения, он наслаждался последними днями «деревенской» вольницы. С упоением гонял на ярко-оранжевом велике по укатанной грунтовке вдоль десятка таких же домов за крепкими заборами с резными воротами и калитками, с выглядывающими из-за черемуховых и сиреневых кустов крышами. У них во дворе тоже был черемуховый красавец, казавшийся ему в ту пору целым дубом, вокруг которого можно было, смело обвить золотую цепь. Отец смастерил на разлапистых, толстых ветках маленькую скамейку, на которой мама частенько

сидела летом, в окружение зрело-изумрудной, бархатистой, вздрагивающей от легкого ветра зелени, штопая, натянутые на деревянную ложку или на электрическую лампочку, отчего это зависело ему было неважно, носки или белье. Пришивала лямку или пуговицу на шорты, в которых ему предстояло на следующий день шагать в детский сад, в сопровождении большой восточно-европейской овчарки, на которую он иногда забирался, если считал, что дорога до детского сада очень тяжела, или хотел показать одноклассникам, какая у него замечательная, умная и смирная собака, а сам он, если не Чапай, то уж гусар – непременно. Поездками этими, однако, он не слишком часто пользовался. Ему казалось, что после них у собаки, имевшей и без того какие-то печальные глаза, они становились еще грустнее, наполнялись влагой, и ему становилось её жалко. Он не хотел, чтобы она заплакала так же, как и он плакал от жалостливой дяденькиной песни. У калитки детского сада они прощались, он говорил ей: «Домой!», и она, оглянувшись пару раз, будто хотела убедиться, туда ли он пошел, неторопливо убегала, чтобы вечером сидеть и ждать его у той же калитки, вздрагивая острыми, стоячими ушами. В отличие от телевизора, судьба собаки после переезда была ему известна. Он помнил, что в доме очень переживали, что её нельзя будет взять в новую квартиру. Особенно его старший брат был расстроен необходимостью расстаться с ней, так как для него эта овчарка была, наверное, бóльшим другом. Младшему терпеливо растолко-

вали, что собаку отдали «служить на границу», чем он очень гордился – на границу брали только самых умных и сильных. Во всяком случае, Борькиного попугая, пусть он даже и очень красивый, на границу бы не взяли. Вот и пусть он им не хвастается, пусть остается с ним в своем посёлке, а наша семья поедет в город, и без разницы, что посёлок – тоже город, даже названия у них одинаковые. В городе, как ни как, туалет не на улице, и печку топить не надо, ладно – топить, не надо даже перед сном угли разгребать и заслонку прикрывать, чтобы тепло через трубу в морозное небо не уходило. А то отец однажды забыл пьяный угли разгрести, и мамка потом среди ночи вытаскивала их с братом на мороз, ругалась, что чуть не угорели, хотя ему никак не казалось, что они «чуть не угорели» – спал да спал себе спокойно. Он считал, что квартира – это хорошо, что в новой, городской квартире отец не будет пьяно буянить, – ведь там нет стайки с поросятами, а значит, им с мамой негде будет прятаться. Вот так и уехали. А потом этот дом снесли (он так думал – на самом деле дом стоял на том же месте, просто Артём маленький и Артём взрослый по-разному видели предметы), и он, будучи постарше, катаясь по трамвайной ветке, проложенной по окраине поселка, уже не видел ни черемухового куста, ни стайки, ни соседского дома, где жил Борька со своим попугаем... Улица Московская осталась одна, и только в городе (и улица сохранилась, даже название своё не поменяла!).

На новом месте ему не было тесно. У них со старшим бра-

том, была своя комната. Родители купили модную мебель, в том числе и секретер, на откидной дверце которого они по очереди делали уроки: брат свои – серьезные и взрослые, а он свои – лёгкие. Пару раз он проливал чернила на неполированную поверхность дверцы, следы от них навечно въелись в дерево, но уже во втором классе чернила отменили, учителя сказали родителям купить шариковые ручки, и у него пропала нужда, носить в школу холщовый мешок с чернильницей, правда, и возможность мастерить из перьев дротики, тоже. Зато стало можно вытаскивать из ручки стержень, жевать промокашку из ученической тетради и, незаметно для учительницы, перестреливаться с соседними рядами, – всё под рукой.

Школа, в которую он пошел первоклашкой, в светло-сером, из толстого сукна костюме, располагалась через дорогу, на другой стороне квартала. Была чуть больше дома, в котором они теперь жили, но вместе со сменой чернил на шариковые ручки, им поменяли и школу, переведя ее в другое, большое трехэтажное здание, со спортивным залом, со светлыми, высокими окнами в классах. Ходить стало на один квартал дальше, но это окупалось тем, что по дороге на занятия он свистел под окнами одного одноклассника, чтобы вместе свистнуть под окнами другого. Так и свистели до середины десятого класса, пока он не был «сослан» родителями к родной маминной сестре на другой конец страны, дабы получить аттестат без троек, избавиться от ненуж-

ных и неправильных товарищей, от неожиданно появившихся подруг, доступных и ласковых, в коротких юбках, с болгарскими сигаретами и прическами «гаврош». Словом, вообще закончить школу, как таковую... Он уже считал себя тогда взрослым. Очень. Это тогда. А теперь ему было жалче мать более всего, именно из-за той, своей рано начавшейся взрослости.

* * *

Втиснувшись в пол-оборота на стул с гнутой, круглой спинкой, стоявшим у окна между раковиной и крохотным кухонным столом, он пил чай, слушал матушкины разговоры о своей племяннице – дочери старшего брата, рано потерявшей своих родителей и выросшей в доме своей бабушки. Она не доставляла своим существованием каких-либо хлопот, но и, не радовала особыми успехами в жизни. Ему было знакомо и привычно ворчание мамы на то, что внучка её не слушает, что слишком самостоятельна и всё делает не так, как следовало бы делать в её возрасте.

«Мам, ну она ведь уже совсем взрослый человек, ей лучше знать, как двигаться. Девочка-то, хорошая. К тому же ты сама её воспитывала, что теперь жаловаться», – сказал он, глядя в окно, за которым были видны еще не зазеленевшие, голые тополиные ветки.

«Весна скоро», – добавил, выдержав короткую паузу, воз-

никшую непроизвольно от его задумчивого взгляда на улицу. «А Пасха в этом году когда?»

Мама ответила и сама поинтересовалась: «Надолго ты в этот раз?»

– А что, уже успел надоесть? – отшутился он и сразу добавил, – Видно будет, мама. Как сложится...

Пребывание его в этом городе зависело от многих обстоятельств, носило непредсказуемый характер, он никогда точно не знал насколько он приехал, а иногда не мог сказать – зачем. Ему просто нравился этот городишко, с ровными квадратами старых кварталов и хаосом пыльных новостроек, его здесь помнили и любили многие, а он помнил и дорожил многими. У него оставалась здесь, как бы «своя», большая квартира в новых микрорайонах. Уже проданная бывшему крупному партийному работнику, вовремя сменившему амплуа на волне «перестройки», зарабатывающему хорошие деньги на спекулятивных сделках, но все еще не достаточные для того, чтобы рассчитаться за приобретенную жилплощадь, довеском к которой служил подземный гараж, расположенный пятью этажами ниже. Он, по-прежнему, называл эту квартиру своей, приезжая жил там: позволяло количество комнат, отношения с новым владельцем, относительное одиночество нового владельца. Не оформившийся хозяин был даже рад его приездам, пропихивал какие-то новые контракты, используя старые связи владельца бывшего, к тому же по вечерам было с кем опрокинуть рюмку-дру-

гую коньячку. А ещё с его приездом в большой квартире появлялись симпатичные и привлекательные мордашки девушек, которые он с умилением мог лицезреть по утрам на кухне, во время совместных завтраков, облизываясь как мартовский кот; угождал и мягко улыбался, как-то по-стариковски, хотя и был еще вполне молодым и приятным мужчиной с благородной сединой, находился в затянувшемся разводе с женой, имел молодую любовницу, правда, редко появляющуюся у него в гостях. Эти совместные завтраки были бывшему партийному боссу по душе, лица девушек менялись, но были все хороши, девушки ослепительно улыбались, умели шутить и понимали шутки, не жеманничали и не стеснялись, если иногда слишком откровенно распахивались полы шелкового кимоно. Кимоно всегда оставалось прежним, приходилось впору своим временным пользовательницам, — отступы от стандарта 90—60—90 были не значительны, — и ничуть не смущалось, меняя хозяек; впрочем, это происходило не слишком часто...

— Ма-а... Я поеду к себе, приму ва-анну, выпью чашечку кофе...

— Пирожки возьми с собой. Хозяина угостишь.

— Да нельзя ему пирожки, он и так толстеть начал! Заеду позже, сам съем, поужинаю, с племянницей любимой пообщаюсь.

— Ну, давай, сынок. Будем ждать.

— Спасибо, мама! Я знаю, что будете ждать. Я вас тоже

люблю...

Выйдя из дома, он чуть задержался на бетонном, железнённом цементом крыльце, ещё раз осмотрел двор своего детства, что-то припоминая, и неторопливо зашагал в сторону улицы, когда-то обильно засаженной тополями, а теперь утыканной по краям убогими чурочками, с едва обозначившимися побегами новых веток. Улица эта была короткой и не широкой, пролежала между двумя кварталами. Грузовые машины могли спокойно разъехаться на ней, не более того. Да и нужды в этом не было, машины появлялись здесь нечасто – в годы его детства транспорта у населения в личном пользовании практически не было, а из грузовых, здесь только «мусорка» и ездила; дважды в день, – утром и вечером, ныряя между домами во дворы, сигналив длинно и протяжно, дескать: «Несите свои ведра, выбрасывайте мусор». Жильцы спешили из подъездов – женщины в домашних халатах, мужчины преимущественно в синих трико, вытянутых на коленках, в белых майках или фланелевых рубашках с закатанными рукавами, детвора, – в чем уж их застала эта обязательная процедура. Взрослые здоровались между собой, перекидываясь парой обычных фраз: хозяйки о домашних делах, мужики – договариваясь о вечерней игре в домино или, обсуждая перипетии последнего футбольного матча, прошедшего на городском стадионе, а шпана интересовалась друг у друга: «Уроки сделаешь, выйдешь?» Длинными, светлыми лет-

ними вечерами жизнь их двора наполнялась гомоном ребятни, стуком доминошных костяшек, бульканьем разливаемого взрослыми из эмалированного бидончика «Жигулевского» пива, терпким запахом папирос: «Беломора» или «Севера». Как неперенный атрибут их двора: два фронтовика в пиджаках с орденскими планками и нардами на скамье.

Когда сумерки начинали сгущаться, всё чаще можно было слышать: «Витя, домой! Саша, домой!». По срывающимся с места игр мальчишкам, было легко определить, кого и как зовут. Самые отчаянные и неугомонные из них кричали в ответ: «Ща-а, ма-а!», и продолжали, но уже с долей некоторой обречённости, резать ножами «Белочка» расчерченные на земле круги, если, конечно, складишок втыкался в податливую почву после умелого броска «с руки», «от локтя» или, что было уже «высшим пилотажем» — от кончика носа или ото лба. Когда обладатель «сокровища», — ножа за рубль двадцать с пластмассовыми накладками на ручке, изображавшими белку или пантеру, — уходил, оставшаяся подростковая публика начинала плавно перемещаться в сторону беседки, куда, по мере того, как время близилось к десяти, подтягивались «старшие». Они держали за грифы свои «шести-струнки», пыля клешами, висящими на бедрах, и вскидывая кивком головы длинные чёлки.

Оба конца тихой улицы упирались в другие, более оживленные. Одна из них пролежала вдоль парка имени каких-то там пионеров и, время от времени, тренькала звонками

проезжающих по ней трамваев. Другая отделяла городскую окраину от начинавшейся прямо за ней производственной зоны: автопредприятий, мастерских и прочего хозяйства, той области, которая в детстве казалась им «Терра инкогнито», манила, прячась за высокими заборами с колючей проволокой и сторожами. В эту сторону улочка имела пологий спуск, начинавшийся как раз от его дома. Он хорошо помнил, как они, как раз в пору, когда весёлое весеннее солнце топило остатки снега, сваленного на газоны, разделявшие улицу и тротуар, пускали по текущим обильным или скудным ручьям, в зависимости от погоды, кораблики, выточенные из сосновой коры, с бумажными парусами, насаженными на спички.

Снег таял быстро, щедрую впитывали газоны, изрезанные венами тополиных корней, а сухой асфальт в эти мартовские дни покрывался светло-коричневыми полосами, оставляемыми корой, которую мальчишки отдирали от стоявшей тут же сосны-мученицы, тёрли эту кору об асфальт, придавая, таким образом, своим суденышкам совершенную, в их представлении, форму. Пальцы частенько обдирались об асфальт, покрывались ссадинами, но надо было спешить – весна в Сибири бывает очень скоротечной, если речь идет о таянии зимних снегов. Это потом, она растягивается, кочевряжится в своей лени и противостоянии северным ветрам. Может не один раз удивить холодами и снегопадом. Но снегопады эти мелки, едва скрывают кляксы проталин и лишь

прихорашивают город на несколько часов, скрывая от глаз окурки, фантики и мелкий мусор, сметаемый дворниками с тротуаров в сугробы на протяжении долгих зимних месяцев.

Более всего эта улица нравилась ему летом, когда тополя, отбросав свой пух, успокаивались, становились степенными, смыкались кронами выше проводов, разделяющих улицу на две половины точно по центру. На проводах висели, покачивающиеся даже в безветренную погоду, жестяные розетки фонарей с круглыми лампочками, вспыхивающими по вечерам жёлтым светом, создавался зеленый тоннель, в глубине которого в ночные часы, казалось, оставались жить дневные радости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.